

Янышев Ренат

16+

Сафар-наме, или Книга Странствий

Ренат Янышев

**Сафар-наме, или
Книга Странствий**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Янышев Р.

Сафар-наме, или Книга Странствий / Р. Янышев — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Если славянские былины замесить на истории Древней Руси X-го века да добавить для пряности мотивы персидского эпоса "Шах-наме", и всё это аккуратно сдобрить фантазией - то вот вам и новый взгляд на похождения Ильи Муромца. Автор иллюстрации "Раздумья Фархада" (к содержанию первой главы): Дмитрий Борисович Непомнящий.

Содержание

Глава 1. Эсфахан	5
Глава 2. Встреча	17
Глава 3. Муром	33
Глава 4. Алатырь-камень	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1. Эсфахан

...Пять дней кряду бесновался над долиной знойный юго-восточный ветер, словно злобный Ахриман выпустил на волю весь жар преисподней. Но, как говорил один иудейский мудрец, есть время для урагана, и есть время для безветрия. И когда солнце, скрывшись в горах, уступило своё место Луне, тревожный шелест листьев в садах заметно утих.

А вместе с вечерней тьмой на улицы славного города Эсфахана опустилась и долгожданная прохлада. Это оказалось весьма кстати, потому что нынешнюю ночь мне явно предстояло провести, не смыкая глаз. Но что значит бессонница, когда в душе царит праздник, ибо вернулся после двухлетнего отсутствия мой друг Али ибн Масуд.

И, вот, мы возлежим по ромейскому обычаю на низеньких кушетках в открытом шатре. Шатёр этот, с тёмно-синим парчовым верхом, расшитым звёздами, и кисейными белоснежными пологами, изготовлен в Багдаде, а ныне разбит в саду моего друга. Но непременно отмечу, что дивный ковёр, устилающий пол шатра, создан руками местных ткачей.

Чёрные рабы разместили между нами изящный раскладной столик и заставили его творениями рук Лю, повара моего друга. А знающие люди говорят, что нет в мире более искусных кулинаров, чем выходцы из страны Чин.

Надобно добавить, что из этого шатра есть два выхода. Через первый, следуя пальмовой аллеей, по дорожке, выложенной плитами из серого известняка, можно пройти к Лазоревому дворцу с мозаичными стенами. Другой открывается тропинкой из белой мраморной крошки, ведущей к неглубокому пруду с диковинными рыбами, чьи плавники столь нежны и изящны, что скорее напоминают кисею. Посреди этого водоёма устроен островок, а на нём стоит бронзовый слон в три локтя высотой. Хобот его вовек не издаст ни единого звука, зато из него непрерывной струёй льётся вода.

По всему саду расставлены масляные светильники. Иные на земле, иные в ветвях, а иные подвешены высоко над головой. И все они столь ярко светят, что ночь, смутившись, бежала из владений моего друга.

Я бы предпочёл выставить свечи, но это лишь моё мнение; да и что душой кривить – светильники чудо как хороши, особенно те, что с отражателями из полированной меди.

Повинуясь сигналу, виночерпий расторопно наполнил наши чаши терпким вином.

– Нушануш! На здоровье! – улыбаясь, воскликнул Али. – Видишь, я ещё не забыл фарси!

– Нушануш! – ответил я и, с удовольствием пригубив рубиновый напиток, залюбовался затейливыми узорами серебряного сосуда.

– Ты читай, читай, а не просто смотри! – усмехнулся Али, явно польщённый моим вниманием к чаше.

И, впрямь, среди узоров обнаружили искусно вплетённые слова:

«Коль хочешь пить вино, так пей открыто,

Но из фиала, а не из корыта.

Не будь ханжой, не становись ослом!

А пьёшь – не забывай про честь джигита!»

– Разумный призыв, – вынес я доброжелательное суждение. – Чьи же это строчки?

– Да так, одного знакомого поэта, – туманно пояснил хозяин и распорядился подавать яства.

А и я не стал настаивать на раскрытии имени, поскольку по некоторым оборотам понял, что авторство почти наверняка принадлежит самому Али, испытывавшему слабость к сочинительству.

Отдав должное фазанам, кебабу из молодого ягнёнка, и, конечно же, баранине, вымоченной в верблюжьем молоке, а после запечённой в глине, я, не в силах более сдерживать своё любопытство, взмолился:

– О, Али! Поведай же мне о своих странствиях! Где был, что видел ты?

Мой друг подал знак, чтобы принесли ещё кувшин охлаждённого вина и начал свой рассказ:

– Как может быть, помнишь, отец отозвал меня в столицу в силу некоторых причин...

Ещё бы! Не только я, но и весь Эсфахан помнил развесёлые похождения Али, сына второго вазира при дворе шахиншаха. Особенно от него доставалось мухтасибам, над которыми он постоянно устраивал розыгрыши. Городские власти могли лишь смиренно взирать на чинимые высокородным отпрыском безобразия и время от времени посылать донесения, усиленные свидетельскими показаниями, в Шираз. Справедливости ради отмечу, что мой друг исправно возмещал все убытки, понесённые его невольными жертвами.

– ... Увы, как ни скорбел я, но пришлось направить стопы свои на юг. Там я узнал от отца, желавшего ввести мою жизнь в праведное русло, что пора мне совершить хадж. В ту пору как раз собирали караван в Мекку с дарами.

Однако всё в руках Аллаха! Лишь только достигли мы Хузистана, как нас догоняет скоростной поход. Из присланного письма выяснилось, что в результате интриг отец мой впал в немилость. Поэтому мне настоятельно рекомендовалось пару лет провести подальше от шахских владений.

Что ж, я посоветовался с приятелями и решил, что святошей становиться ещё рано, а раз уж выпал такой случай, то надо и халифат посмотреть, и самому поразмяться. Так вот и вышло, что, повинувшись ветру странствий, мой скакун повернул на закат...

– ... Фархад, друг мой! Как велики деяния Аллаха! Я посетил воистину волшебный город – Багдад. Чтобы описать все тамошние чудеса, мне не хватит и жизни! Странствуя, я побывал в таких местах, где верблюдов кормят финиками и апельсинами круглый год. Где можно скакать через финиковую рощу целый день, и то не достигнешь края! И встречал таких людей, коим не ведом вкус воды, ибо всю свою жизнь пили они либо верблюжье молоко, либо верблюжью кровь! Целый год я странствовал по Египту! Я побывал на родине пророка Исы! Но сегодня мы празднуем моё возвращение. Поэтому рассказы свои я отложу на более позднее время, а сейчас...

Тут Али приподнялся на ложе и хлопнул в ладоши. За спиной послышалось какое-то движение. Я обернулся и не поверил глазам.

Передо мной, словно прямиком из мусульманского рая, возникли две девы неземной красоты. С их появлением в воздухе завитал аромат жасмина и галиё. В шальварах и тончайших газовых накидках, не скрывавших, но лишь подчёркивавших их обаяние и прелесть, они с улыбкой поклонились нам. И сердце моё забилося, как куропатка в силках, сражённое столь восхитительным видением.

– Не правда ли, настоящие гурии? – обратился ко мне Али. – Я их купил в Багдаде на обратном пути. Даже не спрашивай, во сколько они мне обошлись. Ромейку я оставлю себе, а вот тюрчаночку приобрёл специально для тебя. Это подарок.

Я попробовал отказаться, но Али не стал ничего слушать:

– А вспомни, как мы с тобой познакомились?

***

Как я мог такое забыть? Тогда мы играли в чоуганбази. Я собрал команду земляков, выходцев из Дейлема, для встречи с арабами. Конечно, арабы, как всем известно, прирождённые наездники, но и мы, горцы, лошадей не только на картинках видели. Желание победить усиливалось ещё и тем, что проигравшие, по договорённости, должны были отдать победителям своих скакунов.

Игра началась, и я поневоле обратил внимание на предводителя соперников. Казалось, что он и его жеребец составляют одно целое. Ни разу за игру наездник не воспользовался камчой, не поддал каблуками в конские бока, но и конь не подвёл седока – всегда устремляясь в ту часть поля, куда через мгновение полетит шар. Помню, ещё даже мысль мелькнула, что очень уж эта пара похожа на легендарных полулюдей-полуконей из ромейских сказок.

Впрочем, арабы, хоть и показывали чудеса джигитовки, но с клюшками управлялись слабовато, поэтому победа досталась нам, и я уже вожаделенно прикидывал, какую сбрую купить для столь ценной добычи, но тут заметил, как прощается всадник с конём. Он что-то шептал ему на ухо, лаская гриву, а вороной скакун задумчиво кивал головой, словно понимая слова хозяина, и лишь иногда укоризненно фыркал, бросая на меня косой взгляд. И тогда я совершил поступок, за который меня потом корили многие, но о котором не пришлось пожалеть.

Я принял поводья из рук араба и тут же отдал обратно, произнеся следующее:

– Мне хватит победы!

Тогда-то мы и стали друзьями...

А теперь выходит, что Али решил-таки отблагодарить меня за тот случай.

***

Я усадил прелестницу рядом с собой и, предложив ей чашу вина, спросил по-арабски:

– Откуда ты родом, прекрасный цветок?

К моему немалому удивлению, она ответила на хорошем фарси:

– Мой отец водил наше племя в низовьях великой реки Итиль! Но когда мне было десять лет, на нас напали печенеги. Их было слишком много... Мне повезло, печенеги перепродали меня купцам. Так я попала в Самарканд. Во дворце меня заметили и стали учить игре на разных инструментах, а также пению и разговорам на темы, приятные мужчинам. А когда мне исполнилось пятнадцать, меня отправили в Багдад – как подарок халифу. Только там меня почему-то не взяли в гарем, а снова выставили на продажу...

– Нет, ты представляешь? – вмешался Али. – Отказаться от таких бесподобных красавиц?! Или в гаремных евнухов багдадского халифа Иблис вселился, или это произошло по воле Аллаха. Чтобы я мог встретить Лейлу. Знаешь, а я ещё в дороге поклялся: как только родит мне сына, женюсь!

– Как скажете, господин, – потупив глаза, тихо молвила ромейка.

– За это стоит выпить, – предложил я, и повернулся к своей тюрчанке: – А как бы ты хотела, чтобы я звал тебя?

– Айшат, мой господин, – ответила она. – Я уже привыкла к этому имени.

Лейла и Айшат привнесли в наш пир живительную струю. Мы с Али, словно павлины, тут же распустили хвосты остроумия и веселья. Айшат очень неплохо пела, подыгрывая себе на чанге, а Лейла исполнила такой танец, что рассудок покинул меня, исчезнув словно лёгкий туман в горах под лучами солнца...

***

... Меня поймал ужасный дэв. Он был такой высокий, что задевал головой облака. Он был такой волосатый, что ветер запутался в его шерсти. А из его рта торчали такие клыки, что слоновьи бивни рядом с ними показались бы зубочистками.

И вот это порождение Ахримана схватило меня, кинуло в свою мерзкую пасть и принялось медленно жевать. Мне стало очень больно и обидно. Не так хотел закончить я свой жизненный путь...

– Господин, а господин! Вам очень плохо?

Девичий голосок раздался поблизости от меня. Интересно бы знать – кому он принадлежит?

Я с трудом размежил веки и попытался оглядеться. Меня окружала привычная обстановка спальни и это успокаивало. Но вот прекрасная дева, что сидела рядом на полу, была совершенно незнакома.

Тогда я вновь закрыл глаза и попытался проделать несколько дыхательных упражнений, что рекомендовал исполнить в подобной ситуации мой учитель Умар Гиясаддин. Солнечный луч не сдвинулся ещё и на два пальца по стене, как мне стало легче.

Вторая попытка обозреть мир получилась уже более осмысленной. Причём дева никуда не исчезла, а продолжала восседать на моём любимом ковре, рассеянно теребя изящными пальчиками длинный локон чёрных волос. В её больших глазах, задумчиво устремлённых в призрачные дали, притаилась печаль. Мне показалось, что она несколько перестаралась с сурьмой, подводя веки, но в женских уловках я, откровенно говоря, не очень силен.

– Кто ты, незнакомка? – попытался я выдать из себя учтивость, впрочем, оставаясь в лежачем положении: – Какими ветрами занесло тебя в мой дом?

Дева встрепенулась и бросила на меня недоумевающий взгляд:

– О, господин! Вы совсем ничего не помните? Меня зовут Айшат.

Ммм, что-то забрезжило на горизонтах моей памяти, но очень смутно. Я отрицательно потряс головой, тогда дева по имени Айшат, отчего-то грустно вздохнув, продолжила:

– Этой ночью вы встречались со своим другом, моим бывшим господином. Он подарил меня вам. Так что теперь я ваша.

Вот! В голове моей что-то щёлкнуло, и я стал припоминать вчерашний вечер.

– Ясно. А почему ты так грустно вздыхаешь? Жалеешь, что переменила хозяина?

– Нет, что вы! – испугалась Айшат и, зардевшись, добавила: – Вы мне очень понравились... И покорно прошу простить меня. Я больше не буду вздыхать.

Я только отмахнулся:

– Пустяки! Прощаю. Ты лучше расскажи, я вчера ночью много выпил?

– Не могу судить много или нет, только вы, сразу после того как вторая стража сменила первую, встали и потребовали, чтобы вам подали набиз. Дескать, вы покажете мусульманину, как умеют пить горцы.

Ох, как мне стало нехорошо. Перейти в разгар пира с обычного вина на крепчайший напиток? В голове моей сразу же зазвучал тревожный гонг. Водилась за мной одна черта – выпив с полкувшина вина, я начинал вспоминать воителей и царей прошлых времён и их деяния. Особенно мне не давала покоя загадка нынешнего местонахождения волшебной чаши Джамшида, через которую её владелец мог наблюдать за всем, что творилось в мире. Чаша эта, будучи утраченной ещё в правление Кей-Хосрова, навечно поселилась в моей памяти. И уже неоднократно бывало, что во имя её я рвался на подвиги.

– Айшат, а скажи мне, не упоминал ли я чашу Джамшида?

– Да, господин! Через некоторое время вы стали укорять своего друга тем, что он вместо поисков перстня Сулеймана ибн Дауда, дарующего могущество, или всевидящей чаши Джамшида, бесцельно скитался, прожигая деньги и время.

– А ещё что я говорил?

– Вы, господин, сказали, что если бы и отправились в путешествие, то уж за чем-нибудь нужным – пусть не за чашей, так хотя бы за живой водой!

– А дальше что было? – продолжил я расспрос.

– Тогда ваш друг сказал, что вы так разнежились в Эсфахане, что никуда не поедете, тем более за тем, чего нет по воле Аллаха. Тогда вы, господин, сказали, что много он чего понимает в жизни, чтобы отрицать возможное. А потом предложили побиться об заклад. При этом тут же составили бумагу и позвали офицера ночной стражи в свидетели.

Мне стало плохо, но следовало испить чашу яда до конца:

– И где эта бумага?

– В чёрной шкатулке, господин.

На ватных руках я дополз до угла, где хранилась лакированная красно-чёрная шкатулка с иероглифическими письменами и открыл её. Поверх старых папирусов горделиво красовался новенький свиток. Я развернул его и, прочитав, понял, что худший враг человека – это он сам.

Чересчур старательной вязью (как всегда у меня бывает во время обильных возлияний) были расписаны предмет спора и размеры заклада. Я обязался в течение месяца выехать на поиски живой воды. Кроме того, на эти поиски мне отводилось не более двух лет (почему именно двух? совершенно не помню). Если я эту воду нахожу, или что-нибудь не менее редкостное, то Али оплачивает мне все мои издержки в десятикратном размере, а если поиски не увенчаются успехом, то половина моего имущества отходит к нему.

Да уж, не иначе как моим языком овладел вчера Друга, дух злословия и лжи. И даже нравоучительные рубаи, запечатлённые на чашах по желанию Али, не помогли перебороть невоздержанность.

Однако после омовения и приятной взору и желудку утренней трапезы, настроение моё несколько улучшилось. В конце концов, ну что произошло? Ровным счётом ничего. До Страшного суда ещё далеко, о новом Великом потопе никто не пророчествует. Что это я так разнервничался? Наоборот, все складывается как нельзя лучше. Мне как раз представилась превосходная возможность совершить подвиг.

Видимо это сытая, равнинная жизнь меня так разнежила. Как-то незаметно всего за несколько лет я стал настоящим горожанином. Без горячей ванны утром и вечером уже и день провести невыносимо, на базаре как женщина стал благовония покупать. Уж коли есть – так только с серебряных блюд, да не руками, а палочками, или ложками. А одежда? Конечно, не спору, для равнины может и хорошо наряжаться в шелка. Только не по обычаям это, чтобы дедовскую одежду на иную менять.

А ведь что настоящему мужчине нужно? Конь-огонь, да меч в ножнах, а остальное приложится. Спокойная жизнь – это удел старцев. А так – поеду, развеюсь. Эх, знать бы ещё куда ехать? Поэтому я решил в самом ближайшем времени навестить своего учителя, спросить совета. Но тут прибежал гонец от Али и я, вместо того чтобы припасть к колодезю мудрости, направился к другу, предпочтя иные сосуды с иным содержимым. Там я застал ещё десятерых приятелей и знакомых, собравшихся послушать о Египте и прочих удивительных местах.

Али, вдохновлённый нашим почтительным вниманием и фиалом отличного вина, поёрзав, поудобнее устроился на лежанке и начал повествование:

– Это случилось на пятый день хурдада...

***

Лишь через семь дней закончился пир, который закатил для своих друзей Али ибн Масуд. Но минуло ещё три дня, прежде чем я смог направить свои стопы к дому, где жил и изучал кодексы и старинные свитки мобед Умар Гиясаддин.

Мой учитель чурался светской суеты и не желал жить при дворе земных властителей, но от того власть его над миром сущего была лишь более полной. Ведь не зря же к нему ездили со всех семи частей света набраться мудрости маги и учёные, звездочёты и астрологи.

Почтенный Умар достиг в обращении со своим телом невиданных вершин. Однажды я успел досчитать до тысячи, прежде чем он вынырнул на поверхность бассейна. Он засыпал обнажённым на заснеженных горных склонах и просыпался здоровым. Ходить по раскалённым углям для него было забавой. Я ударял его мечом, а он лишь слегка наклонялся, словно старый карагач под сильным ветром.

Но и в других искусствах он был первейшим. Он мог видеть суть не только минералов, но и людей. И как я уже не единожды убеждался, если бы он захотел, то все люди охотно исполняли бы его волю. Только у него не было к этому желания.

Я был для Умара скорее не учеником, а любимым племянником, хотя по крови мы были чужими. Просто во время большой смуты, когда отец нынешнего шахиншаха вместе со своими братьями после глупой смерти Мардавиджа, освободившей трон, разбил восставших гулямов, и Буиды разделили западный Иран на три части, выходцы из Дейлема приобрели значительное влияние. И уж так вышло, что мой дед, бывший сардаром в войске Али (старшего брата из Буидов) спас жизнь Умару Гиясаддину. Так что, когда в пятнадцать лет я покинул родные горы и поселился в Эсфахане, почтенный Умар с удовольствием взял меня под своё покровительство.

Вот и сейчас, когда я перешагнул порог дома учителя, он с доброй усмешкой приветствовал меня:

– Что, мой юный друг, тебя на этот раз привело ко мне? Желание стать мудрее, или совет по жизни? Не торопись с ответом, оставь свою стремительность за порогом. А я пока заварю чай...

...Замечу мимоходом, что мой учитель удивительно неприхотлив в обыденной жизни. Он обходился без слуг и рабов, и лишь с уборкой ему помогала соседская вдова. Его дом – самый маленький на улице, но даже не этим он выделялся, а скорее своими скромными белыми стенами. Уже не раз соседи приступали к нему с просьбами позволить покрыть глазурованной плиткой, или хотя бы расписать красками его стены, но Умар непреклонно отказывал им, говоря:

– В белом цвете я вижу все краски мира, а вы хотите обеднить мой дом...

...Мы прошли во двор и устроились на айване. Почтенный Умар быстро накрыл дастархан и вскоре я наслаждался ароматным индийским чаем с пряными лепёшками. Лишь после пятой пиалы мой учитель стал задавать вопросы:

– Судя по твоему отсутствующему взору, Фархад, ты опять с кем-то поспорил. А поскольку, как мне ведомо, в городе объявился твой старый дружок, то ты поспорил именно с ним. Верно?

– Верно, – подтвердил я и поведал всю историю.

– Ц-ц-ц, – уважительно поцокал учитель. – У тебя появился размах! Нет, чтобы поспорить о чём попроще: поймать горного дэва, к примеру, или приманить в силки птицу Хумайю? Ну и какую же ты предполагаешь получить от меня помощь?

– Учитель, расскажите о живой воде, где она может быть, как её различить. А то я даже куда отправиться – не знаю.

– Так ведь, Фархад, об этом мало что известно. Вернее, почти ничего. Сам посуди, если бы были верные сведения, люди бы уже давно к этому источнику протоптали дороги. Есть несколько ссылок у разных авторов, не более.

– Да мне хоть крохи, учитель.

– Ну что ж. Дай, попробую вспомнить... Я неоднократно слышал о том, что живую воду следует искать на севере... И читал в одном свитке, что необходимо двигаться на север ровно сорок конных переходов. И этому свидетельству можно верить..., так, я предполагаю, что начать поиск следует от границы между древними Ираном и Тураном. Это хорошо согласуется со временем написания того трактата. Граница тогда проходила по реке Джейхун. Так что тебе имеет смысл отправиться в Бухару и уже оттуда приступать к поискам. Ты пройдёшь земли Булгар...

– Так далеко? – изумился я.

– А тебя за язык никто не тянул, – укорил меня учитель.

– Так, а дальше-то что? Что я там встречу? Чего мне надо опасаться?

– Не торопи, дай подумать..., наверное, тебе следует из Бухары добраться до реки Итиль, потому что она, как мне известно – лежит к северу от Бухары и течение её тоже истекает с севера. Так что по ней тебе легче всего будет добраться до нужных мест. Да-а-а! И выходит, что источник живой воды пробился на поверхность в стране Мрака, а там живут народы Гога

и Магога. И никто ещё из просвещённых мужей там не бывал! Хотя от кого-то же это стало известно? Вот вопрос! Но!.. Но перед этим ты вряд ли сможешь миновать земли русов.

– Это ещё кто такие? – встрял я с вопросом.

– Это, как мне известно, северные огнепоклонники. Но вот зороастрийцы они, как мы, или просто язычники, не ведаю, – учитель задумчиво прикрыл глаза и продолжил речитативом: – Русы возделывают просо и лён, разводят пчёл и свиней, но больше всего любят воевать. И есть у русов хахан, а вокруг него собирается дружина и жрецы. И идут они воевать на своих соседей, славян, чтобы брать у них себе добычу на содержание, ну и прочие полезные предметы.

– Какие? – опять не удержался я.

– Ну не знаю, – удивлённо пожал плечами почтенный Умар. – Что у них, славян можно взять? Чем славяне торгуют с Константинополем? Меха, мёд, воск, кожа, рабы. Вот и русы, наверное, с них берут то же самое... Так, и что ещё вспомнилось – у русов глаза, как у кошек. Вот вроде и всё!

– А я знаю славянский язык, – гордо заявил я своему учителю (могу ведь хоть чем-то похвастаться?). – Мой отец как-то раз, на пробу, купил двух гулямов из славян. Мне тогда четыре года исполнилось. Одного из них ко мне приставили – до совершеннолетия. Так я и выучился говорить на их языке.

– Это похвально, – заметил учитель. – Знание чужеземных языков ещё никому не было в тягость. Но я бы тебе посоветовал присовокупить к своим познаниям и ромейский язык. Много мудрости смог бы ты почерпнуть из общения с западным народом.

Тут я спохватился, что беседа наша начинает перетекать в другое русло, и попытался вернуться к истокам:

– Конечно, учитель, но не могли бы вы дать определение: какая из себя живая вода? Как мне узнать её?

– Живая вода, она и есть живая. Ни по цвету, ни по запаху не отличается от обычной. Но знаю, что она не может превращаться в лёд, и не испаряется. Что если отрезанную конечность приставить к ране и полить живой водой, то она прирастёт. А если на только что умершего побрызгать этой водой, то он оживёт, прервав своё шествие к мосту возмездия Чинвату.

– Благодарю, учитель! – поблагодарил я за рассказ.

– А ты, я вижу, даже рад отправиться в дальние края? – приподнял бровь мобед.

– Конечно! – я пошире расправил плечи. – В конце концов, мой род происходит от Рустама. Мой прадед голыми руками задушил горного барса. Мой дед сразил в одном бою двенадцать воинов. Мой отец не раз приносил с охоты на своих плечах джейрана, пробежав без отдыха горными тропами три-четыре фарсанга. А разве я не сын своего отца?

– Похвально стремление мужа достичь своей доблестью славы,

Когда он на подвиг стремится не ради наград и забавы,

– продекламировал двустрочие почтенный Умар. – Что я могу сказать? Ты сам уже всё решил, зачем мне отговаривать тебя? Живую воду вряд ли найдёшь, а вот мир познаешь – это точно. Только не забудь одно правило. Принимай мир таким, какой он есть, и тогда он примет тебя. Принимай истину такой, какая она есть, и тогда она откроется тебе. И возьми с собой бумаги, а лучше – папируса побольше, и чернил, и записывай всё, что тебе покажется интересным и стоящим внимания. Это важно по двум причинам. Во-первых, большинство кочевников к учёным относятся лучше, чем к купцам, а во-вторых, твои записи будут иметь большую ценность не только для меня, но и для потомков. Удачи тебе, Фархад! И последнее: я помогу тебе добраться до Бухары. Найди на рынке менял некоего Захарию и скажи ему, что это я прислал тебя...

***

...Только жаркие объятия Айшат заставляли меня откладывать подготовку к отъезду, а ведь прошло уже двадцать ночей с того вечера, как она впервые возлегла со мной. Дни я проводил в обществе Али и других наших приятелей, но как только время близилось к вечеру я, изнывая от нетерпения, бросал всё и устремлялся домой.

А там меня ждала несравненная Луна моего сердца. В саду, по примеру Али, я велел разбить лёгкий шатёр, и теперь мы в нём проводили все вечера. Айшат развлекала меня рассказами, а, кроме того, ещё славно пела и танцевала. Дело дошло до того, что я первый раз в жизни попробовал сочинить стихи. Правда, никому не рискнул их прочесть, и, наверное, правильно сделал. Там имелись строки о ясном небе, украшенном звёздами, лёгком ветерке, ласкающем вершины деревьев, соловьиных песнях, ну и, конечно, не обошлось без упоминания о фиалах. Вот до чего дошёл.

И лишь, когда до конца отпущенного срока осталось шесть дней, пришлось наведаться на рынок, где держал место знакомый моего учителя.

Подсказки быстро привели к нужному столику в самом центре рынка. Там, укрывшись от солнца под навесом, прикреплённым к стене лавки, дремал мужчина с накинутым на лицо платком. Ещё издали, по жёлтым одеждам, я определил, с кем придётся иметь дело. Впрочем, подавляющее большинство менял так же щеголяли жёлтыми цветами своих одеяний.

Однако впечатление, что мужчина дремлет, оказалось ошибочным. Едва я остановил коня на расстоянии трёх шагов от столика, как меняла заговорил, явно обращаясь ко мне:

– Только не говорите, что хотите просто посмотреть!

Мне подобный тон несколько не понравился, но я остался спокойным. Это прежде, когда я только приехал в долину совершенно неотёсанным горцем, рука то и дело тянулась к мечу, в каждом подозревая возможного обидчика. Однако в любезном моему сердцу Эсфахане так перемешались верования и народы, что поневоле пришлось выучиться терпению. Поэтому я просто промолчал.

Тем не менее, на нас сразу обратили внимание менялы из соседних лавок и просто любопытствующие, предвкушая возможное зрелище. А некоторые явно собрались делать ставки. Меняла, почуяв неладное, скинул платок с лица и мгновенно оценив не только меня, но и обстановку вокруг, вскочил на ноги и стал извиняться:

– О, господин! Не обрушивайте свой гнев на мою бедную голову! Во всем виновато солнце! От этой несносной жары бедный Захария потерял всё: и разум, и клиентов! Передайте мне ваши заботы, и я решу их в самом лучшем виде! А пока пройдёте внутрь, не откажите моей дочери в возможности угостить вас шербетом.

Я спешил и, оставив коня на попечение базарных мальчишек, прошёл вслед за словоохотливой менялой. Волоокая дочь Сиона пугливой ланью метнулась за занавески, и вскоре я наслаждался очень даже неплохо приготовленным прохладным напитком.

Тем временем Захария не умолкал:

– О, юный господин! Я вижу, вы всё же стесняетесь поведать мне свои мысли, что так избороздили морщинами ваше чело! Давайте я сам попробую угадать! Вы, по несчастному стечению обстоятельств, временно стеснены в своих расходах! Но вот именно для этого я и существую! Причём заметьте, для вас, дихкана из Дейлема, я даже не прошу привести с собой поручителя! Я знаю, что ваше слово – это слово чести! Сам такой! Мы составим бумагу, и не успеют перевернуться песочные часы, как вы уже снова будете радостно смотреть на окружающий мир! А процент я возьму столь мизерный, что меня засмеют даже ослы, если им рассказать о нашей сделке!

Я только и успел возразить, что не нуждаюсь в кредите!

– ... Понял! Понял, понял... Вы хотите отправиться в сафар! Так, кажется, на вашем языке называют странствия? И опять я нужен! Вы даёте мне свои динары, а я вам шекели, или драхмы, или рупии. Что пожелаете! И у вас снова нет забот! Так я достаю весы!

– Нет, – опять я огорчил Захарию. – Мой учитель сказал, что вы сможете мне помочь в несколько ином деле!

– Горе мне! Горе! – тут же принялся рвать на себе остатки волос меняла. – Вся жизнь моя прошла в тщете и суетных мечтах. Все хотят, чтобы Захария им помог, но кто поможет Захарии? Уже двадцать лет пытаюсь я заработать хоть немного денег, чтобы вместе с семьёй вернуться в землю обетованную!.. Погодите-ка, юный господин! А кто ваш учитель?

– Почтенный Умар Гиясадин!

– Ну что же вы сразу не сказали? – всплеснул руками меняла. – Грех отказать ученику столь мудрого человека! Мои будущие внуки отвернутся от меня, если я не помогу вам! Лишь бы это было мне по силам.

Я успокоил хозяина, представился и объяснил, что мне нужно срочно выехать в Бухару. Захария задумался и принялся вышагивать, шевеля губами и размахивая руками. Наконец он прекратил хождение и повернулся ко мне:

– Мой юный господин! Есть только один человек в Эсфахане, способный помочь вам. И этот человек – я! Сейчас мы отправимся к моему свояку Науму. Он держит караван-сарай под вывеской "Поющий бархан", что на улице Вышивальщиков. На днях как раз отправляется большой караван в Бухару. Наум, и это мне известно наверняка, в очень хороших отношениях с таким же фундукани, как и он сам, из Рея. А того зовут Самуил. Так вот Самуила очень хорошо знают в Бухаре. Как видите – всё складывается просто великолепно. Наум, по моему слову, даст письмо для Самуила, а Самуил даст письмо для бухарских вакилов.

Я слегка запутался в том, кто же именно мне поможет, но послушно поднялся на ноги и вышел на улицу. Вскоре мы уже выезжали с рынка в сторону бывшей Иехудии. Когда-то давно Иехудия была самостоятельным еврейским поселением, рядом с Джем. Между ними даже располагалось небольшое село Кушинан. Потом, с приходом арабов, город разросся, и Эсфахан поглотил Иехудию вместе с Кушинаном, но не бесследно.

Обо всем этом мне вспомнилось, пока мы неспешно двигались в нужном направлении. Кварталы Иехудии ничем не отличались от кварталов Джея – такие же глухие глинобитные заборы, скрывавшие от посторонних глаз дворы. Я бы предпочёл пустить своего коня рысью, благо улицы были в это время дня пустыни, но осел, на котором восседал Захария, оказался воистину достойным представителем своего племени.

– А дозволено ли будет мне узнать, о, мой господин, – поинтересовался Захария, – причину, заставляющую вас отправиться в столь далёкое путешествие? Семейные обстоятельства, или может напротив, учёные изыскания?

Я понял, что вряд ли удастся отвязаться от Захарии, и потому почёл самым лёгким согласиться:

– Ты прав, Захария, именно учёные изыскания!

– А какие? – немедленно последовал новый вопрос.

Я мысленно вздохнул и ответил:

– Да вот, намереваюсь отыскать живую воду.

Мой попутчик так разволновался, услышав подобное, что чуть не свалился с осла. Зато замолчал, и это было благо.

Так, в тишине мы и добрались до подворья, занимаемого фундукани Наумом. С нашим появлением в доме начался переполох, видимо не каждый день сюда заезжают иноверцы. Я с любопытством осматривался, но ничего нового для себя не высмотрел.

Вскоре высокий, седой, но все ещё крепкий хозяин дома приветствовал нас. Затем Захария извинился и увлёк Наума в дом, оставив меня прохладиться в ажурной беседке, укрытой от солнца огромными старыми вязами, впрочем, не одного. Меня окружили несколько рабынь и, после омовения, стали развлекать танцами.

Но не успел я вдоволь насладиться приятными глазу телодвижениями танцовщиц, как оказался увлечён в дом. В кабинете хозяин предложил усесться в специальное гостевое кресло. Я был знаком с этим обычаем, но, откровенно говоря, предпочёл бы устроиться на ковре. Однако в гостях своих правил не устанавливают. Пришлось располагаться на этой неудобной конструкции.

Сам Наум примостился за небольшим столом (подобные столы очень любимы письмоводителями в присутственных местах), а Захария сел на скамью у окна.

Хозяин покусал губы, внимательно разглядывая меня и, наконец, заговорил:

– У нас есть одно предложение. Э-э-э, как бы это выразиться? Одни словом, мы с Захарией с удовольствием взяли бы на себя все возможные расходы при проведении вами поисков некоей субстанции, обозначенной словами "живая вода". И, конечно же, со своей стороны, мы бы хотели рассчитывать на, скажем, семь десятых от того объёма, что вы привезёте! Для вас подобный договор означает безоблачное путешествие до Бухары и такое же приятственное возвращение. А, кроме того, ещё и значительный кредит на месте, обеспечиваемый моими бухарскими агентами.

Я был слегка ошарашен подобным, столь выгодным для себя, поворотом, но всё-таки сразу указал на самое слабое место:

– А если я ничего не найду?

Наум несколько замешкался, но всё же ответил:

– Это было бы прискорбно. Но, во-первых, мы рискуем далеко не всем своим состоянием, а во-вторых, возможность помочь мобеду Гиясадину сама по себе многого стоит. Ну, а в-третьих, я почему-то верю, что у вас всё получится. А я редко ошибаюсь.

После этих слов стало очевидно, что следует немного поторговаться. В результате мы ударили по рукам и скрепили подписями следующее: фундукани Наум обеспечивает мне место в караване, идущем до Бухары, и даёт рекомендательные письма некоему Самуилу, проживающему в Рее, некоему Исайте, проживающему в Бухаре, а также некоему Моисею, раввину одной из бухарских синагог. Я же в свою очередь обязуюсь передать Науму и Захарии четыре десятых из всех запасов добытой мною живой воды. Если же я не привезу той воды, а взамен найду что-либо иное, но столь же редкостное и ценное, то и с этого надлежит отдать соответствующую долю.

В самом весёлом расположении духа я возвращался домой. Учитель дал мне очень дельный совет. Теперь я мог не заботиться о дорожных расходах и о том, где хранить наличность, пусть об этом болит голова у моих новых знакомых.

Нужный мне караван отправлялся через три дня, так что следовало оставшееся время провести с толком...

***

...Лишь только солнце полностью показалось над крышами домов, как тревожно взревели карнай и вслед за ними тут же гулко зарокотали барабаны.

Уже открылись северные ворота и из города непрерывной вереницей потянулись навьюченные верблюды. Махмуд аль-Тарик, караван-баши, по уверениям Наума знал своё дело крепко. Сейчас он сидел на своём скакуне и с придорожного холма пристально наблюдал, как выстраивают верблюдов погонщики. Купцы, следующие с караваном, и охранники, повинувшись его знакам, занимали отведённые им места. Ни суеты, ни криков. И только отдельные команды, отдаваемые Махмудом своим помощникам, разносились над дорогой:

– ...Вот этого, с подпалиной на груди, перевести на пять голов вперёд... Хасан, следи за дойной верблюдицей, как за своей женой... Ну, всё, пошли.

Верблюды тяжело вздохнули, понукаемые погонщиками, и караван пустился в дальний путь.

...Я оставил за своей спиной Эсфахан, да будут всегда цвести его прекрасные сады, да никогда в его дворцах не поселится уныние и грусть.

Я оставил за своей спиной друга Али ибн Масуда, но его весёлый нрав и остроумие навсегда остались в моей памяти.

Я оставил за своей спиной учителя Умара Гиясаддина, пусть его мудрость и наставления ещё долго будут освещать мой путь.

Я оставил за своей спиной Айшат! О, эти иссиня-чёрные, словно вороново крыло, волосы, пышной волной спадающие на плечи! О, эти глаза, притаившие в себе детскую доверчивость и женское лукавство! О, эта маленькая родинка на левом плече! О, эти трепетные, чуть припухлые губки! А перси, перси каковы! Да, её красота навсегда пленила моё сердце!

На прощание она дала мне свою гривну, чтобы та оберегала меня в ковыльных степях её родины:

– Если случится моему господину проезжать мимо шатров и увидеть на сторожевом копье три цвета: чёрный, красный, чёрный, то показав мой подарок, вы всегда найдёте там приют и покой. Это цвета моего брата Боняка, он должен был стать вождём после гибели отца. А я буду просить всех богов на свете, чтобы они позволили вам вернуться обратно!

В глубине чёрных глаз засверкали слёзы, и я, придав голосу нужную твёрдость, решительно отмёл даже намёк на неблагоприятный исход сафара:

– Не волнуйся, жемчужина моей жизни! Клянусь, что не позднее чем через два года вернусь с живой водой. Или пусть не с водой, но и не с пустыми руками. Да услышит меня Ахурамазда и не оставит своей милостью в одолении преград...

...Я тронул узду и Самум, нервно фыркнув, направился рысцой к каравану. Захария, как выяснилось, имел интерес в виде восьми верблюдов, нёсших вьюки с платками из шерсти кашемировой козы. Поэтому для моих вещей место отыскалось легко. В принципе я взял немного: так, кое-что из оружия, да пару тюков дорожного платья, да палатку, ну и ещё всякие мелочи, включая пищевые запасы. Ах да, чуть не забыл про вещи слуг (я решил ограничиться всего лишь тремя), так что в результате доля моих кредиторов выросла до десяти верблюдов.

Ещё накануне отъезда я познакомился через караван-баши с предводителем охраны каравана – курдом весьма благородного происхождения. Мы сразу понравились друг другу, а когда выяснилось, что и в пристрастиях весьма схожи, то поездка в Бухару стала казаться приятным времяпрепровождением...

И только гневное письмо отца, находившегося неотлучно при шахиншахе, омрачало рисовавшееся мне прежде безоблачным будущее, подобно надвигающейся грозе, от которой не уклониться, а лишь смиренно принять, молясь и уповая на милость божию:

«О, наилюбимейший из моих сыновей, и жесточайшая боль моего сердца. Своим извещением ты похоронил мои замыслы на долгие годы вперёд. Вот к чему привело чрезмерное увлечение алкоголем. К тому же твоим безрассудным спором поставлено под удар благополучие нашей семьи. И не только размерами заклада. Кто отныне будет представлять мои интересы перед купцами Эсфахана? Ты даже не подумал об этом!!! За три дня размышлений гнев в моей груди несколько утих, и я принял следующее решение. Запретить тебе поездку я не могу, ибо тем самым будет нанесён удар по престижу нашего рода, да и по достатку. Управляющего вместо тебя я уже выслал, скоро он появится в Эсфахане. А ты отправляйся в сафар во исполнение. Но горе тебе, если ничего не найдёшь! Тогда лучше и вовсе не возвращайся из чужеземья! Это моё отеческое слово!»

Когда я в первый раз прочитал такое напутствие, приняв свиток из рук гонца, скорбь и обида наполнили мою грудь. Иной мне виделась реакция отца. Но сделанного не воротишь, осталось только исполнить завет...

***

...Хотелось бы мне описать подробно о том, как я отыскал заветный источник, но это чересчур удлинило бы мой рассказ. Лишь упомяну, что я беспрепятственно добрался до Бухары, а оттуда в Булгар, город на реке Итиль. Затем мой путь пролёг на запад, в леса, заселённые язычниками. На весь этот путь ушёл целый год моей жизни.

Глава 2. Встреча

...В тот благословенный Ахурамаздой день, я, по обыкновению разведя обеденный костёр, задумался о сложившемся положении. Однако ничего утешительного на ум не пришло...

Уже два месяца длились мои скитания по лесам. От болезней и диких зверей я растерял всех слуг и остался один. А сегодня спозаранку сбежал и очередной нанятый (из местных аборигенов) проводник, что усложнило не только поиски, но и просто существование. Хорошо хоть не увёл Самума и не опустошил дорожные сумки. А ведь мог! У меня ещё оставалось немало вещей, предназначенных для обмена в лесах, маленьких, но весьма ценных. Здесь были и иголки, и готовые кремни, и ножи, и наконечники для стрел. Вот только запасов съестных маловато. Конечно, голодным не останусь, поскольку ставить силки сызмальства обучен, но вот для Самума питаться лесной травой не пойдёт на пользу. Так что, по-хорошему рассуждая, надо вновь выбираться к людям, да и, поскольку до сего дня мои поиски не привели ни к чему, начинать сборы к возвращению домой. Но природное упрямство не позволяло признаться в тщетности прикладываемых усилий.

...Я подбросил побольше хвороста в костёр, чтобы побыстрее закипела вода...

Изредка мне попадались маленькие лесные поселения, но местные туземцы ничем помочь не могли. Они жили в своих нескончаемых лесах (которые я начинал тихо ненавидеть), ничего не зная ни о внешнем мире, ни о том, что где-то под боком у них должен быть источник живой воды. Да и не желая знать! Наоборот, в ответ на мои расспросы они лишь энергично трясли головами, уверяя, что в их владениях все родники обычные. Но чем сильнее горячились их шаманы и шейхи, что я не там ищу, тем более мне казалось, что они лукавят.

...Однако никак не закипала вода, и я добавил ещё веток в костёр. Как славен Ахурамазда за то, что дал людям возможность пользоваться огнём. А то бы мы, словно дэвы, ели всё сырое...

Как же всё-таки поступить? Может быть, и впрямь вернуться в Булгар? Перезимовать там спокойно, а со следующей весны отправиться напрямик в страну Мрака? Или двинуться на поиски славян и руси? Ладно, зимой будет время, там и прикину. Пожалуй, надо идти на закат.

...Что-то вода не кипит. Уж весь собранный хворост ушёл в огонь, а ни одного хоть малюсенького пузырька со дна не поднялось. А есть-то хочется. Я осторожно тронул воду пальцем и не обжёгся!

Ничего не понимаю! Чудеса, да и только. Когда это было, чтобы вода не хотела кипеть над костром и даже не нагревалась?

И тут до меня дошло!

И тогда я поклонился огню и стал молиться Ахурамазде, не оставившему меня! Не разведи костёр, разве понял бы, что нашёл живую воду? Ведь говорил же учитель, что живая вода не испаряется, а, следовательно, и кипеть не может! Верно? Верно!

Вот как, наверное, совершаются великие открытия – походя, случайно.

Днём, пробираясь сквозь особенно густую чащу, мне встретилась невероятно огромная сосна, просто-таки неохватная. В этой чаще все деревья были необыкновенно рослыми, но эта! Её исполинский ствол уходил в заоблачную высь, а чудовищные корни так взбугрили землю на десятки локтей вокруг, словно здесь некогда произошло землетрясение. И вот, я заметил, что у самого основания этой Праматери всех сосен бьёт небольшой родничок. День был пасмурный, пить особо не хотелось, но я по привычке сменил воду в бурдюке. И как оказалось – на счастье!

Усталость не позволила как следует порадоваться находке, и потому я решил устроить привал, чтобы с утра заново отыскать источник. А живую воду бережно собрал обратно в бурдюк, боясь пролить хоть каплю. Себе же лишь несколько глотков и позволил.

Надобно заметить, что вода оказалась никакая. Совершенно безвкусная, словно бы и не вода вовсе. Помню даже, этого безвкусия поначалу испугался – а вдруг это не Живая вода оказалась, а Мёртвая. Ведь если рассудить, то для всякой вещи есть антивещь. Кажется, к таким выводам пришли ромейские философы в изложении моего учителя. Но, выждав время, чтобы понять, не отравился ли ненароком, не заметил в себе никаких изменений ни в лучшую, ни в худшую сторону. Тогда и решил здесь же разбить бивуак, ибо странствия мои подошли к концу.

Всего-то мне осталось, вернуться к источнику, да набрать живой воды побольше...

...Но, увы, на следующий день удача отвернулась от меня. Не сумел я по собственным же следам вернуться в заповедную чашу и даже больше того – заблудился. Пять дней я, отчаянно плутая, рыскал меж деревьев, залезал на самые высокие макушки, чтобы осмотреть окрестности! Все усилия пропали вотще.

Никогда бы такого не произошло в горах Дейлема! Но в равнинном лесу! Да ещё и в незнакомом!

А на шестой день, дойдя в отчаянии своём до крайности, вышел я на лесную тропу, явно людьми оставленную, и немного подумав, направился по ней.

В конце концов, клятва наполовину исполнена, теперь осталось только доставить домой бурдюк с драгоценным содержимым!

***

Проехав по тропе весь день, я, наконец, достиг мест, где явно обитали люди. Справа от тропы открылось лесное пепелище, на котором кто-то выкорчевал пни и собрал их в огромные кучи. А на следующее утро, через пол-фарсанга от ночной стоянки, я вышел к небольшому поселению.

На открытом месте беспорядочно раскинулись с полтора десятка деревянных домов, окружённых пристройками и землянками. Как я позже выяснил, в тех краях дома истари устраиваются по преимуществу на возвышениях. Вначале роют ямы, затем выкладывают стены из древесных стволов, а крыши зачастую покрывают срезанным дёрном, либо же соломой, остающейся после обмолота. На верхних концах крыш я различил вырезанные силуэты конских голов. Хорошо хоть не человеческие черепа. А то у лесовиков, которых миновал в верхьях Итиль, оказалось в заводе выставлять головы предков на изгородь, или на навершие своих шатров. Как они объясняли, чтобы духи предков отгоняли духов зла. В принципе правильное решение, но не такими же варварскими методами.

Над деревней зависла тишина. Какое-то время я внимательно наблюдал, но всё оставалось без изменений. Это было несколько странно. Однако долго прятаться было не в моих правилах, поэтому я спешился, оставив Самума за деревьями, достал меч из ножен (так, на всякий случай) и отправился на разведку.

Уже у плетня, окружавшего деревню, на меня набросились невесть откуда взявшиеся собаки. Они лаяли, захлёбываясь от злобы, но видимо хорошо знали, что такое меч в руках незнакомца, потому что не осмеливались приблизиться. Я постоял-постоял, но никто из жителей не отреагировал на моё вторжение и не вышел на улицу. Тогда я сам направился к ближайшему дому в сопровождении собак.

Спустившись по земляным ступенькам, я откинул входной полог из грубого, плохо сваленного войлока, и сделал шаг внутрь. На первый взгляд там никого не оказалось, но в воздухе приятно пахло остаточным дымком и свежеиспечёнными лепёшками. А, кроме того, мне послышались какие-то звуки. Я задержался на пороге, всматриваясь в темноту, но ничего не увидел. Однако подозрение, что здесь не всё чисто, лишь окрепло в моей душе. Поэтому я зашёл вглубь и, различив на одной из стен некое подобие отверстия, отодвинул небольшой щиток. И хотя сумрак лишь слегка рассеялся, все ж таки сделалось несколько светлее, что позволило получше осмотреться.

Дом внутри был совсем простым. Отдельного потолка здесь явно не предусматривалось – хватало и закопчённой кровли. Несколько поперечных балок скрепляли конструкцию. Интересно, что пол оказался не земляным, а из вытесанных полу-брёвен. И ни одного ковра!!! Ни на полу, ни на стенах.

Две широких лавки вдоль стен с наваленными на них шкурами и тряпьем, пара сундуков весьма грубой работы, тяжеловесный стол в середине, множество разнообразной утвари развешено по стенам, да большое глинобитное сооружение у дальней от входа стены (судя по всему – печь). Вот, пожалуй, и всё.

Тут я вроде бы уловил некое движение. Лишь тогда, всмотревшись пристальней, я обнаружил, что под шкурами и покрывалами лежит человек. Я подошёл и остриём меча откинул край шкуры.

С лавки на меня со страхом смотрел здоровенный светловолосый бородач. Он лежал, не делая попытки встать, и только беспокойно моргал своими до невозможности синими глазами. Откровенно говоря, больше забеспокоился я, обзревая эту гору мышц. Его предплечья в обхвате были явно толще, чем моя талия. Против такого молодца меч, что дротик против слона – только рассердить!

И этакий детина спрятался под шкурами? На всякий случай я отступил на пару шагов к выходу – вдруг это засада? Однако со двора не доносилось никакого шума.

– Ты кто? – спросил я на славянском, и не ошибся в выборе, он меня понял.

– Родичи меня Ильёй кличут, – таким гулким басом пророкотал великан, что даже пол задрожал под моими ногами. – А ты кто? Калика перехожая? Или сила бесовская?

Я от необычности подобного сравнения рассмеялся. Это он меня за нечистую силу признал? Сам-то больше на дэва смахивает – зарос бородой по самые глаза.

– Нет, не дэв я, а простой странник. Зовут меня Фархадом. Вот, зашёл в вашу деревню передохнуть.

– А-а-а, – протянул Илья, не делая попытки встать с лавки. – Тады ладно. А какого ты роду-племени?

– Слышал об Иране? – усмехнулся я.

– Ага, – ответил Илья. – Там персы живут. Так ты из них, что ли будешь?

Вот тебе и глухая деревня. Усмешка у меня пропала, и я перевёл разговор на другое:

– Чего валяешься-то? День на дворе. Или после ранения?

– Нет, – хмуро буркнул Илья, и отвернулся к стене: – С детства так маюсь. Ни рук, ни ног не чую.

– Да ну! – не поверил я.

Глядя на горы мышц, проглядывавшие сквозь рубашку, как-то язык не поворачивался назвать его ледащим.

Мой учитель Умар Гиясаддин, по своим силам и моим способностям, между всего прочего посвятил меня и в тайны врачевательства. Если этот великан, как утверждает он сам, от рождения парализован (а паралич – это болезнь, относимая к разряду холодных), то и вид его должен быть соответствующим: мышечная ткань дряблая, на лице бледность. А тут ничего подобного. Однако и лгать ему вроде не с руки. Нет, тут явно что-то другое.

Следовало над увиденным поразмышлять, пока же я сходил за Самумом (негоже своего коня долго под седлом держать впустую) и, определив его в пустой овин, за неимением конюшни, вернулся в дом к больному. Тем более что дорогой кое-что вспомнил из поучений учителя.

Так что, более не мешкая, я подошёл к Ильё вплотную. Медленно сложил пальцы рук в "светлое око Ауртата" и начал водить над головой больного. Тщательный осмотр показал, что никаким параличом здесь и не пахнет.

Здоровья у моего нового знакомого хватило бы на небольшую армию. А вот понять, что он оказался во власти чёрной магии – тут даже и моих врачебных навыков оказалось достаточно. Кто-то умело наложил на Илью заклятие, обездвижившее его, а самое главное, подкрепил своё дело заговорённой нитью из конских волос, вываренных в змеином яде. Этот аркан был тщательно вплетён в медвежью шкуру, которой покрывался бедняга.

– И сколько же времени ты так лежишь? – поинтересовался я, роюсь в своей шкатулке, где хранились кое-какие травы и снадобья.

– Уж тридцать лет, говорят, исполнилось, – ответил больной.

Я аж пальцы к губам приложил от удивления:

– И что? К тебе за это время ни разу лекаря не приводили?

– Отчего же? Прежде, сколько себя помню, каждую седмицу травник Улеб заглядывал, всё настойки разные на мне пробовал. Только задавил его медведь-шатун зимой. Вот по осени батюшка обещался в Муром меня свозить, тамошним знахарям показать.

Я промолчал, конечно, но всё стало ясно. Наверняка, именно травник и наложил заклятие на Илью. А чтобы отвести от себя подозрения, исправно заходил, делая вид, что пытается вылечить парня, заодно посматривая, чтобы задуманное им чёрное дело никто не порушил ненароком. Уж почему этот Улеб решил так жестоко поступить, вряд ли теперь дознаться можно. Да и не моё это дело. Просто захотелось помочь Илье. Не такой уж и сильный умелец был этот травник. Вот если бы здесь поработал магрибский колдун, тогда другое дело, я бы не справился.

В доме нашёлся удобный и чистый выструганный из дерева ковш, зато вода отсутствовала. Тогда мне пришла в голову одна мысль: а что если как раз и попробовать на Илье действие живой воды? По идее она должна усилить действие порошков. Решив так, я бережно отлил небольшую порцию живой воды из бурдюка в ковш. Затем аккуратно, не торопясь, отмерил и смешал в нужных пропорциях порошок из корня мандрагоры, золотую пыль, высушенную петушиную желчь и мумиё. Илья с подозрением смотрел на мои приготовления.

А когда я поднёс к нему ковш и велел выпить, он вдруг отчаянно замотал головой и взревел:

– Не хочу! Душегуб, погибели моей алчешь! Грабь, уноси всё, родителями нажитое! Эх, жаль меня ноженьки не держат, уж я бы тебе показал! Кат! Отравить меня вздумал?

Хорошо, что у него руки были тоже парализованы. Однако он и головой вертел так отчаянно, что я совсем обессилел, но так и не смог заставить его выпить лекарство. Уговоры на него не действовали, а силы моей не хватало, чтобы зажать его голову и влить в рот приготовленную настойку.

И тут моё внимание обратилось на небольшое бревно (в руку толщиной), подведённое под угловую потолочную балку для дополнительной опоры. Я долго думать не стал, а выбил это бревно и, поудобней ухватив, обернулся к больному.

Увернуться Илья не мог, а потому просто продолжал ругаться, глядя на меня. Однако видимо я размахнулся слабо, потому что Илья даже не вздрогнул, получив прямой удар в лоб. Наоборот, в него словно вдохнулись новые силы и возможности, теперь он начал произносить такие слова, что не на шутку разозлил меня.

В конце концов, победа досталась мне – после четвёртого удара Илья затих. Отдышавшись и уняв дрожь в руках, я быстренько вылил в безвольно открытый рот содержимое ковша. Больной поперхнулся на вдохе, но я вовремя приподнял его голову, одновременно зажав рот, и снадобье устремилось туда, куда следовало. Лишь после этого я, подхватив медвежью шкуру, вышел во двор, дабы сжечь её.

В удобном месте, на задворках, отыскался открытый очаг, выложенный из камней, а рядом небольшая поленница. И вскоре шкура занялась очищающим огнём. Я прилёг на траву и задумался о превратностях судьбы человеческой. Мне исполнилось двадцать три, и я всё это

время жил полноценной жизнью, а встреченный мною несчастный все эти годы, плюс ещё семь лет, неподвижно валялся на лавке? Б-р-р-р. Меня аж озноб пробил...

– Ух, хорошо-то как! Чую я в себе силушку богатырскую! Ух, так бы и сшибся грудью со Змеем Горынычем! Руками бы удавил! – раздался рёв за моей спиной.

Я мгновенно вскочил на ноги и развернулся.

Илья стоял, широко расставив ноги, и довольно щурился на меня. Росту этот исполин оказался такого, что макушкой сравнялся с коньком крыши. В его ручищах драгоценный бурдюк смотрелся небольшим мешочком. Судя по тому, как он провис, его уже изрядно опустошили. От увиденного у меня даже пропал голос. Я только и смог засипеть, указывая на бурдюк и призывая, чтобы он немедленно положил его на землю.

Выздоровевший великан, заметив мои жесты, сыто рыгнул, а затем произнёс, потрясая бурдюком:

– Замечательная водица!

С этими словами, он незамедлительно присосался к бурдюку и шумно выглотал остатки его содержимого.

У меня не было с собой стенобитной машины, поэтому я просто выхватил меч и молча бросился в атаку. Но видимо прилившая от бешенства кровь ослепила меня – я промахнулся, а затем неведомо как оказался в воздухе. Это Илья легко увернулся и одной рукой ухватил меня за кабу, подняв в воздух, а другой отобрал меч.

– Ты чего? Всё ж хорошо, – удивлённо выпятил губы ненавистный водохлёб. – Я ж не в обиде. Кость цела, а синяк заживёт. Главное, что я здоров. Ты понял? У тебя всё получилось! Я здоров!

Я все ещё мог только сипеть от злобы и пытался вырваться, чтобы достать обидчика, но безуспешно.

– Подумаешь, воды жалко, – добродушно гудел Илья. – Да я тебе теперь, сколько хочешь, этой воды принесу: хоть колодезной, хоть родниковой. Прямо сейчас.

С этими словами он осторожно уложил меня на траву и сделал несколько шагов к воротам. Да только с каждым шагом стал проваливаться в землю, причём всё глубже и глубже.

– Ух ты! – испугался великан. – Федя, чего это со мной?

Я даже не обратил внимания на то, как он моё имя искажил, глядя на этакое чудо-чудное. В тех местах, где виднелись глубокие следы от босых пяток Ильи, земля, будто волнами, расходилась в стороны. А сам он уже почти по пояс ушёл в землю, как в зыбучие пески.

– Замри, – скомандовал я, а сам стал лихорадочно соображать, что же такое происходит.

Я вскочил на ноги, подобрал с земли свой меч и попробовал потоптаться вокруг Ильи. Однако на мои прикосновения земля никак не реагировала. Значит всё дело в Илье! Вышел из дома он спокойно, и лишь когда допил остаток живой воды, то стал проваливаться! Получается, что всё дело в умеренности. Видимо существует норма живой воды, которую можно выпить безнаказанно, и Илья её превысил. Да настолько, что его и земля теперь носить отказывалась.

Очень хотелось этого бессовестного негодяя так и оставить, но всё-таки я испытывал некоторую ответственность за него. Тогда что же делать?

Учитель показывал мне некоторые опыты с жидкостями по изменению их свойств. Может быть, следует разбавить живую воду в организме Ильи?

– Где вы воду для питья берёте? – спросил я у него.

– А я откуда знаю? – возопил в ответ утопающий. – Слышь, Федя...

– Не Федя, меня зовут Фархад! – огрызнулся я.

– Да ладно тебе, ты мне лучше какую ни на есть опору кинь, чтоб я на неё упёрся и дальше не проваливался. Слышал я, что так на болотах спасаются.

Вырвал я первую же попавшуюся жердь из забора и кинул Илье, а сам заскочил в дом. Кувшина для воды не нашёл, зато отыскался пустой, а главное, большущий, глиняный горшок.

А за воротами меня поджидали собаки. Отбиваясь от них, я решил не заниматься поисками колодца, а заглянуть в соседние дома. Это оказалась мудрая мысль. И уже во втором доме наткнулся на небольшую бочку с водой, стоявшую у входа. Я быстро наполнил горшок и с добычей бросился обратно.

Илья уже погрузился по грудь и завидя меня стал отчаянно вращать глазами.

Я поднёс к нему объёмистый сосуд и строго произнёс:

– Вылезти захочешь – всё выпьешь.

Очень быстро пьют верблюды. Сам неоднократно наблюдал на водопоях, но Илья бы посрамил самого жаждущего верблюда. Вода ушла в его глотку, как в бездну.

– А теперь что? – отдышавшись, спросил он у меня.

– Ждать будем, – пожал я плечами и присел рядом. – Слышь, Илья, чтоб не так скучно было, ответь-ка мне на несколько вопросов. Если ты лежал все это время, то откуда знаешь об Иране?

– Так к нам почитай каждый год заходят люди дорожные, живут у нас, то пару дней, а то и месяц. Они-то мне и рассказывают о том, что делается вокруг. Память у меня хорошая, вот и запоминал всё подряд.

– Ясно. А что это ты меня каликой перехожей назвал? Это кто такие?

– Как кто? Калики перехожие – это такие люди! Богатыри! Они клятвы разные дают, переодеваются и ходят по земле, порядок дедовский блюдут, справедливость восстанавливают. А ещё песни всякие знают. Их князья себе в дружину зовут, а они ни-ни! Сами себе хозяева.

– А меня каким боком ты причислил к этим каликам?

– Так ведь по одежке встречают. Вон кунья у тебя какая, – кивнул он на мою шапку. – Вся жемчугами расшитая. Такие только калики носят.

– Это не кунья, а кулах, – стал я объяснять. – И не жемчуга это, а рубин, да изумруды.

– Ну, я ж отроду не видел таких каменьев, теперь буду знать, – буркнул Илья, ворочаясь в земле. – И одежда у тебя такая же, как у калик. И оружием весь обвешан, прямо хоть сейчас в бой. А ты меня научишь мечом махать?

Но тут я как вспомнил, чего меня лишил этот деревенщина, аж зубами заскрипел:

– Ты лучше ответь, детинушка, зачем ты воду мою выпил?

– Да что ты пристал с этой водой? Заговорённая она что ли?

– Хуже, тьфу, – сплюнул я от досады. – Лучше! Это была живая вода!

– Ух ты, – загорелись глаза у Ильи. – Это я что теперь вечно жить буду что ли?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Но вот ссадины на твоём лбу, пока мы разговаривали, исчезли.

– Точно, – обрадовался Илья, ощупывая лоб. – Значит, меня ранят, а я тут же опять как новенький. Слышь, Федя...

– Я не Федя, – разозлился я. – Неужто трудно запомнить? ФАРХАД!

– Да что ты цепляешься? Не привык я произносить такие трудные имена. Так вот, а как ты думаешь, это навсегда со мной такое приключилось?

– Жизнь покажет. Ладно, попробуй вылезти, вроде земля поуспокоилась...

Мой расчёт оказался верным. Земля снова могла носить Илью, и вскоре великан стоял рядом, отряхивая порты от приставшей глины.

– Кстати, Илья. Вижу я на тебе крестик телесный, как у ромеев. Да и имя у тебя явно от них взятое. Хотя в ваших краях вроде своим богам молятся.

– А это годов десять тому назад через деревню нашу царьградские монахи проходили. Вот мой батюшка и взмолился, не помогут ли люди добрые калеке сирому, мне, то есть. А они сказали, что облегчить мои страдания может только ихний бог Иисус. А для того надобно, чтобы я стал крещёным. Так вот всё и вышло. Батюшка, чтоб наверняка получилось, и меня крестил, и сам крестился, и матушку заставил. И имена ромейские на нас принял... Только не

встал я. На что монахи сказали, что видимо вера наша слаба, вот он и испытывает нас. А потом ушли. Мы ждали, ждали, а потом бросили ждать. А имена новые остались – мы уж привыкли к ним, да и решили, что к старому возврата больше нет. Будем жить по-христиански. Да! По прежнему-то я Ждан...

Он помолчал немного, видимо припоминая что-то давнее. Я не мешал ему.

– Слышь, Федь! А пойдём, родителей обрадуем, – вдруг взмолился он, наведя относительный порядок в своей одежде.

– Кстати, а где все жители-то? – вспомнил я.

– Кто на покосе, а мои пошли землю от кореньев под пашню расчищать. О прошлый год дубовую рощицу попалили, теперь золить надо.

День и так уже пошёл наперекосяк, так что я подумал, отчего бы и не сходить?

Идти оказалось не так уж и близко, но Илья всю дорогу прошагал очень даже споро, словно готовился к состязаниям шахских скороходов. Помню, я ещё подумал, интересное дело получается: он всю жизнь пролежал, а куда идти – хорошо знает!

Неожиданно лес расступился, выведя нас на просеку, со следами больших кострищ и торчащими тут и там пнями.

– Тсс! – вдруг зашептал мне на ухо Илья. – Вон видишь? Под куст ракиновый отдохнуть залегли. Умаялись бедные. Слышь, Федя, а как думаешь, может я покорчую тут маленько? А ты присядь пока в сторонке.

Я отрёшенно вздохнул и устроился на траве поодаль от его родителей. В это время Илья подошёл к торчащему из земли пню и, ухватив за основание, рванул на себя. Я не поверил своим глазам, но земля послушно поддалась, и пень выскочил на поверхность, словно пробка из кувшина, освобождённая от сургуча.

– Здорово! – послышался приглушенный рык, и Илья заработал с утроенной силой. Прямо на глазах земля покрывалась рытвинами, а вырванные пни летели на край делянки, будто выпущенные из пращи. Послышался возмущённый птичий гвалт и над тем местом закружили испуганные галки. Вряд ли прежде им приходилось наблюдать падающие с неба коряги.

– Уф! – весело отдуваясь, подошёл ко мне Илья, после того как раскрутил последний пень и отправил его к сотоварищам. – Ещё хочу поразмяться. А слышь, Федь, поле-то мои родители совсем малое освоить решили. Вот думаю, может ещё чуток расчистить?

– Расчисти, – равнодушно разрешил я. – Раз тебе так хочется.

– Спаси тебя Бог, – обрадовался Илья, и побежал исполнять задуманное.

Сначала он стал орудовать отцовской секирой, что подхватил с земли, но топорище сломалось после первых же ударов. Это не смутило новоявленного силача – он стал просто вырывать деревья из земли.

– Во, как быстро-то выходит, – сообщил он мне после пятого вырванного дубка. – А то сначала сруби, потом корень вырви.

Я сидел, взирая на эту вакханалию силы, и думал, что вот и подтвердилось действие живой воды. Ни один нормальный человек, да даже и целая сотня не справились бы с тем, что сотворил тут Илья. Он успевал вырвать дерево и выкинуть его с глаз долой за считанные мгновенья, словно сорную траву. Таким образом, вскоре под пашню освободилась огромная площадь.

Да! Любопытный народ эти славяне. Шум над делянкой стоял немалый. Да ещё птицы со всего леса собрались, негодуя на то, что творил Илья. А родители его спокойно продолжали спать, хотя деревья летели с басовитым порханьем, роняя в полёте с корней большие комья земли.

Однако этим дело не закончилось. Только я стал подниматься, думая, что настала пора возвращаться в деревню, как Илья подскочил ко мне и скороговоркой зачистил:

– Шас я, шас! Ты погодь, Федь, ладно? Я землицу немного приберу.

Вскоре он уже носился по свежему полю, засыпая деревянной лопатой ямы, только пыль столбом клубилась, словно начиналась песчаная буря. Солнце ещё лишь перешло зенит, а Илья, весь чумазый от пота и пыли, уже довольно утирал лоб рукавом, сидя рядом со мной.

– И столько лет я этаким радости был лишён! Но ничего, – довольно потряс он в воздухе своими кулачищами, в размерах больше схожими со спелыми дынями. – Теперь уж я оторвусь! Столько земли вспашу, столько леса навалю, чертям тошно станет!

Да уж, подумал я, ты сможешь!

Об эту пору проснулись его родители и, заметив Илью, бросились к нам.

– Сыночка! Ить встал всё-таки! Чудо-то какое! А я уж и верить перестала! – всхлипывала маленькая старушка, не доходящая и до пояса Илье.

Она тщетно пыталась обхватить его своими ручками, но увя! Верно говорил Искандер Двурогий после похода в Индию: нельзя объять необъятное. Сухой, желчный старикан вёл себя более достойно, стоя в сторонке, но тоже с трудом сдерживал слезы.

– Вот кого благодарить надо, – повернул ко мне родителей Илья. – Вечный долг Фёдору! Избавителю моему!

Но отец его видать не зря много лет прожил, не взял он на веру слова сына, а спросил, подозрительно косясь на мои длинные волосы и ножны, торчавшие из-за спины:

– И кто ж ты таков будешь, мил человек?

– Меня зовут Фархад. Я – дихкан из Дейлема.

– Ясно, – почесал в затылке отец Ильи. – А это как будет по-нашенски?

– Князь, – коротко пояснил я.

– Князь значитца, – задумался собеседник, не сводя глаз с моих стоптанных сапог и штопаной-перештопаной кабы. – Ну что ж, князь так князь. А мы вот простые хлебопашцы, значит. Из вятичей. Муромского роду-племени. Звать меня Иваном. И как же это ты сумел нашего Илюшеньку на ноги поставить?

– Снадобья нужные под рукой оказались, – терпеливо объяснил я.

И тут взревел Илья, да так что птицы снова взвились в небо со свежераскорчёванного поля:

– Ты что, батя, не веришь? Глянь лучше, что я тут понаворотил.

Посмотреть конечно, было на что.

– Ах ты наш Микулушка Селянинович! – растрогались родители, озирая поле битвы.

И тут, наконец, до них стало доходить происшедшее. Что не просто их сын стал на ноги, а и силы огромные приобрёл.

Старик что-то там прикинул у себя в голове и радостно воскликнул:

– А ведь слышь, Фроська, беги-ка домой. Да кличь баб на подмогу. Пир на весь мир сегодня будет! Ох, княже! Такой камень с души моей снял. Ведь уж не чаял сына здоровым увидеть. Ну, всё, пошли, нечего ворон считать.

***

...Пировать здесь любили на просторе. Мужики споро повытаскивали из изб столы да лавки и установили их прямо в центре деревни на хорошо утоптанной площадке. Женщины в это время шустро суетились, разогревая что-то в дворовых очагах и выставляя на столы все новые и новые горшки и миски. Я с удовольствием улавливал носом густые запахи копчений и жареной рыбы, чеснока и ещё чего-то незнакомого, но тоже очень вкусного. Под ногами у всех путались взбудораженные дети и собаки. И те, и другие исходили слюной, предвкушая щедрое угощение.

Глядя на то, что все жители деревни, как один, разгуливают босиком, я подумал-подумал и тоже снял сапоги. Как выяснилось – очень правильно сделал. От земли исходило такое приятное тепло, аж мурашки пробежали по телу.

С Ильёй, его отцом и деревенским шейхом Несмеяном мы пристроились чуть в стороне от этой суеты. Беседа наша текла неторопливо и степенно. Между каждой фразой следовало выдержать многозначительную паузу (это я понял после первых же реплик).

– ...М-да, – говорил Несмеян. – И надолго князь думает задержаться у нас?

– ...Ну, – отвечал я. – Думаю, дня на два, на три.

– ...М-да, – вклинивался отец Ильи. – И куда ж твоя путь-дорога протянется? Дале по белу свету шататься, или домой – делом заниматься?

– ... Ну, – задумывался я над своей дальнейшей судьбинусшкой. – Пока в ваших краях побуду. А там, кто знает?

– ...Да! – соглашались со мной хлебопашцы. – Кто знает!..

– ... М-да, – снова начинал увядшую беседу шейх. – А с Ильёй как думает князь обойтись? По совести, или по праву?

– ...Ну, – осторожничал я. – А это как?

– ... Ежели по праву, – вздыхал отец Ильи. – То Илюшенька теперь весь, как есть, с потрохами, принадлежит тебе. Потому как ты его, приговорённого, от злой судьбины избавил. Так что волен его с собой забрать и сыном, або слугой назвать.

– ... А ежели по совести? – уточнял я.

– ... А ежели по совести, – объяснял Несмеян. – Так оно и есть, по совести. Вот как.

Подумал я, подумал, над предложением этих бесхитростных людей, и ответил:

– ... Не для корысти я его излечил. Так что отвечу – по совести.

– ... Спаси тебя Бог, – облегчённо вздохнул Несмеян. – Хоть ты и тёмн лицом, а душой светел. Не всякий бы боярин наш так поступил. Хоть и нет у нас ничего, чтобы достойно отблагодарить тебя, но знай, что в нашем роду отныне ты всегда найдёшь приют и поддержку.

– ... А что, Несмеян, – опять вмешивался Иван. – А может пусть князь Фёдор у нас до зимы поживёт? Мы ему и с поисками живой воды поможем? А по зиме, как санный путь установится, отправим в Муром. А оттуда по ледовой дороге он и до Булгара легче доберётся?

– .. М-да, – удивлялся шейх. – Светел твой разум, Иван! Что скажешь, княже?

– ... Ну, – скрывая свою радость, вздохнул я. – Быть по сему. А только давно хотел спросить, как ваша деревня называется?

– ..?

– .. Для других людей, – пояснил я.

– ... Новая деревня, – пожал плечами Несмеян. – А что?

– ... Нет, это не имя, – поморщился я. – У всякого уважающего себя селения должно быть особое, запоминающееся имя. Вы ведь свою деревню уважаете?

Моё высказывание застало собеседников врасплох. Я почти слышал, как скрипели их мозги, переваривая столь внезапный поворот.

– .. А ведь верно, Иван! А? – наконец отозвался Несмеян. – Да! Надо будет на пиру с мужиками это обсудить.

Тут он привстал с брёвен, на которых мы удобно сидели, приставил руку ко лбу и стал вглядываться в происходящее у столов.

– Ну, вроде всё, – подвёл итог проведённому обзору шейх. – Пойдём, князь к столу, взглянем, чем нас бабы сегодня побалуют!..

Не люблю я есть, сидя на скамье, но пришлось. Не мог же я отойти от всех и устроиться отдельно на травке? Тем более, вокруг шастают собаки, выпрашивая кости. Меня усадили между Несмеяном и светленькой девушкой с такой нежной, подобно персику, кожей, и длинными светлыми волосами, что я поневоле загляделся на неё. Платье её было совсем безыскусным, зато в волосах у девушки виднелся витой обруч, весьма изящной работы, тоненькую шею обрамляло замысловатое ожерелье из цветного бисера. А на узком пояске позвякивали подвешенные фигурки коньков, птиц и ещё чего-то неразборчивого. Глянешь на этакое и сразу

понятно – перед тобой язычница (хотя и очень симпатичная). Обвешалась амулетами и думает, что обезопасила себя.

– Во, – толкнул меня локтём Несмеян, когда девушка подала мне кубок с хмельным мёдом. – Понравилась тебе моя внучка? Снежкой её зовут. Уж я всем обсказал, чтоб раньше Снежки никто к тебе не лип. Потом – ладно, дело житейское. А вот в первую ночь к тебе Снежка придёт. Ясно? Так что нынче не балуй с другими!

И он шутливо погрозил мне пальцем.

Снежка стыдливо потупилась на слова деда, а тот продолжил нравоучения:

– Ты тут не красней, как зорька ясная, а деда слушай! Дед худого не посоветует. Чтоб родила мне к следующей весне правнука от князя заморского. Ясно?

Затем шейх встал и обратился ко всем жителям:

– Ну, друже, выпьем за гостя дорогого!

И пир пошёл по накатанной колее.

Я с удовольствием вгрызлся в огромный ломоть лосятины и размышлял о том, как интересно устроен мир. Вот сидят славянские жёны да девы и веселятся вместе с мужчинами. А у нас дома никто и помыслить не мог, чтобы пир общим сделать. И лица свои девы не прячут от мужских взоров. И пиво с вином пьют наравне с мужчинами (это я не о количестве, а о принципе). И никак не мог решить – нравится мне это или нет.

Хотя скорее – нравится. Ведь что по нашим законам, что по мусульманским, женщину никто не должен видеть, кроме её ближайших родственников. И потому одежды у неё глухие, тёмные. А девы славянские одеты в длинные светлые сарафаны, узорами расшитые, в ушах да на шее украшения разные. И оттого сердце кровь гонит по жилам всё быстрее и быстрее.

Но вот что касается еды... О том, как готовят в цивилизованных странах, этим варварам не ведомо. Как не известны и гастрономические изыски, понятные лишь гурманам. Впрочем, за год своих странствий я научился смотреть на всё, что можно жевать, в благожелательном свете. Да и с другой стороны – не попади сюда, разве узнал бы я вкус лосятины (очень похожей кстати на вкус мяса онагра)? Да и грибы мне понравились чрезвычайно. Дома у нас грибы никто за еду не держит, а оказалось, что жареные лисички очень даже хорошо идут под медвежатину и пиво. А вот хмельной мёд напомнил мне чем-то наш набиз.

– Я сама эти грибы жарила, – шёпотом сообщила мне Снежка.

– Здорово у тебя получилось, – одобрительно кивнул я. – Никогда лучше не пробовал!

И видит Ахурамазда, я сказал ей чистую правду.

– Правда? – лишь по шевелению губ я догадался, что она произнесла.

– Послушай, – спросил я у девушки. – Ты что, боишься меня? Неужели я такой страшный? У себя на родине девушкам я нравился.

– Немножко, – призналась Снежка. – У тебя глаза такие чёрные, словно в них ночь поселилась. И брови тоже чернющие такие, густые. И сам ты на хищную птицу похож.

– Точно, – признался я ей. – Вот ночью ты станешь моей, а я обернусь огромным беркутом, схвачу тебя в когтистые лапы и унесу в далёкие горы, в своё гнездо...

(Как написал по подобному случаю один мой знакомый поэт из Ширази:

– Шути мой друг, но меру знай,

Не перелей веселье через край,

Иначе ядом обернётся шутка,

Пожнёшь тогда печальный урожай).

Снежка так и обмерла от моих слов. А за столом вокруг нас воцарилась зловещая тишина.

– Ты что? Оборотень? – медленно спросил меня Несмеян.

Дёрнул же меня проклятый Друга так неудачно пошутить. Я для всей деревни таинственный чужак, наверняка опасный, раз так легко вылечил Илью. Так что они вполне могли пред-

ставить себе, что я владею превращениями. Ох, и как же теперь выкрутиться из этого положения?

Я медленно поднял руки вверх в знак примирения:

– Это шутка! Приношу свои извинения! Это только шутка!

– Плохая это шутка, – произнёс шейх, приподнявшись и нависая над столом: – За такую шутку и смерть принять не долго. В наших краях не любят оборотней. Так что было бы не худо убедить нас немедленно в обратном.

– И как же? – с опаской спросил я.

– Солнце уже зашло, поэтому лучше подойдёт испытание огнём. Это просто. Возьмёшь голый рукой красный уголёк из костра и удержишь его, пока не остынет. Не сумеешь удержать, значит, ты оборотень. Сумеешь, значит, обычный человек.

– Согласен, – легко согласился я.

Да будет благословен мой учитель Умар Гиясаддин за то, что научил меня терпению и выдержке и за то, что показал, как можно управляться с огнём, повергая в трепет непосвящённых.

Окружённый толпой деревенских жителей я прошествовал к центральному костру, ярко пылавшему в центре площади, где проходил пир. Илья всё это время не вмешивался в происходящее, но подбадривающее подмигивал каждый раз, ловя мой взгляд.

Между тем не всё оказалось так просто. Несмеян долго и придирчиво вглядывался в угли, пока не подцепил на кузнечные щипцы показавшийся ему подходящим:

– Вот этот. И помни, ладонь раскроешь, только когда я скажу.

Я медленно отдышался, затем постарался расслабиться и, резко, с присвистом выдохнув воздух, подставил ладонь под мерцающий алым уголь, размером с перепелиное яйцо. Мгновенно сжав как можно плотнее пальцы, я удержался от крика и сконцентрировался на поддерживающей мантре.

Время как обычно замедлило свой ход, так что я успел прочесть мантру целиком, прежде чем услышал голос шейха:

– Хватит! Раскрой ладонь.

Стиснув зубы, я заставил пальцы разжаться. На ладони остался потухший почерневший уголёк. Я страхнул его на землю и обдул ладонь, а затем показал её собравшимся. Кожа сильно покраснелась, но не обгорела до черноты. Вполне возможно, этому живая вода помогла, которую я успел пригубить.

– Ты чист, князь! Это хорошо, – улыбнулся мне Несмеян. – А то бы пришлось убить тебя. Ну, всё, за столы! Есть отличный повод выпить. Наш гость доказал, что он хороший человек.

И застолье возобновилось с удвоенной силой. Снежка осторожно коснулась меня. Я повернулся к невольной виновнице моего испытания.

– Я рада, что ты не оборотень, – сказала она и виновато-облегчённо вздохнула.

– А уж как я рад! Ты и представить себе не можешь, – ответил я и приобнял её за талию.

В это время за столами вспыхнул горячий спор, затеянный шейхом, по поводу названия деревни. Предложения сыпались со всех сторон, как, впрочем, и возражения. Спорщики побойчее уже вовсю намеревались подкрепить свои доводы кулаками. Но тут встрял один неприметный мужичок, доселе больше молчавший:

– Братцы. Послушайте, что скажу! Я знаю, как назвать нашу деревню так, чтоб соседи от зависти лопнули! Вот кто сейчас сидит рядом с нашим Несмеяном? Вы посмотрите только! Это же воин! Да? Сам весь чернящий! Да? Ну вот! Поняли?

– Не-а, – дружно ответили из-за столов.

– Вот балбесы, – сокрушённо вздохнул оратор. – Чёрный Воин, по-печенежски будет Кара Чар! И мы нашу деревню назовём Карачарово! Поняли?

– Ух ты, – ответили из-за столов.

– ... М-да, – одобрительно покачал головой Несмеян. – Лихо ты закрутил, Драган. Не зря видать в неволе у кочевников помаялся, вишь языкам-то как обучился. Хм, Карачарово? Быть по сему.

– Добре, добре, – застучали кружками по столам собравшиеся.

Я тоже с удовольствием присоединился к тосту. Не каждый же день в мою честь называют деревни! Но хмельной мёд оказался довольно коварным. Хотя быть может дело в количестве выпитого? Я стал было терять нить разговора и восхотел только одного – тихонько отсидеться до конца пирушки, но тут меня позвал довольный Иван абу Ильяс:

– А что это наш гость молчит?

И за столами дружно закричали:

– Слово гостю!..

***

... Голова трещала так, что невозможно было глаза открыть. Но сделать это было необходимо, чтобы отыскать воду. Холодную-холодную. Которую можно пить; которую можно вылить на голову, чтобы унять пылающий пожар внутри. Где ты, живая вода! Живая вода? Я что-то помнил о ней. Да! Как мне нужна живая вода.

– Эй, люди, кто-нибудь, дайте воды!

– Вот держи! Выпей! – раздался незнакомый девичий голос. – Очень худо, Фархадушка?

Я с трудом разлепил веки и огляделся. Тело моё покоилось на постели, пошитой из шкур с набитой внутрь соломой. Судя по лучам солнца, проникавшим через открытый вход, уже давно закончилось утро. С улицы доносились сладковатый аромат свежескошенных трав и душистых смол, сытое хрюканье свиней и ленивая брехня собак. А рядом стояла на коленях смутно знакомая дева и протягивала ковш.

Выхватив у неё сосуд, я припал к нему. К сожалению, внутри оказалась не вода.

– Это сыворотка молочная. Ты пей давай, сейчас полегчает! – заботливо откликнулась девушка.

У меня не было сил сопротивляться, поэтому я выглотал весь ковш одним махом.

Помотав головой, я улёгся на спину и устался на кровельные балки. Видимо Ахурмазде не очень по душе мои возлияния, раз он меня памяти лишает. А может это и не Ахурмазда? Может это Ахриман толкает на необдуманные поступки? Или это я сам виноват в своей неумеренности? Интересно, что я натворил в этот раз? Надо бы спросить у спасительницы – голова и вправду стала проходить.

– Ничего не натворил, – растерялась девушка. – После испытания огнём все ещё очень долго сидели. Мой дед разрешил. А как месяц поднялся из-за леса, ты стал так хорошо рассказывать о сражениях, о подвигах своего предка Рустама, что Илья тоже захотел стать богатырём.

– И всё? – я подозрительно прищурился.

– Нет, – продолжила спасительница. – Тогда ты тоже встал и поклялся, что обучишь Илью всему, что знаешь сам.

– Та-а-ак, – досадливо протянул я. – А больше никаких клятв не было?

– Было, – охотно подтвердила девушка. – Потому что Илья предложил тебе стать с ним побратимами. Ты согласился, и мой дед тут же провёл обряд! Это было так здорово!

Я только сейчас обратил внимание, что моё правое запястье обмотано полоской из льняной ткани. Ммм! Смешать свою кровь со славянином, да ещё и с худородным. До чего я дошёл! Одна надежда, дома, в Эсфахане, об этом никогда не узнают. Засмеют так, что на улицу стыдно будет показаться! А Али ибн Масуд скорей всего вообще разорвёт узы нашей дружбы. Ибо для него честь превыше всего! Представив себе все возможные последствия в случае раскрытия моей новой тайны среди родственников и друзей, я громко застонал. Но что толку? Теперь, хоть во всё горло возопи к небесам, ничего не изменить. Братья даются родителями, а вот

побратимов мы себе выбираем сами. Один раз и на всю жизнь! Ммм! Ахурамазда, всеблагой и премудрый! Зачем ты так жестоко посмеялся надо мной?

– Фархадушка! Не пей больше столько, ладно? – жалобно попросила девушка. – А то ты как лёг, так и заснул мертвецким сном. Уж я тебя будила, будила, а ты ни в какую.

– Хорошо, – печально согласился я с уговорами Снежки (слава богу, хоть имя вспомнил сам, без подсказки). – Попробую. А пока покажи мне, где можно умыться.

... Сразу после завтрака, я отправился на встречу с побратимом.

Тот возился на заднем подворье с рыжим жеребёнком. Подойдя поближе, я ужаснулся. Жеребёнок был чуть живой: весь ходуном ходит на слабеньких ножках, грива и хвост нечёсанные, сплошь в колтунах, круп покрыт струпьями.

– Во, – обрадованно загудел Илья, едва увидев меня. – Привет, Федя! Послушай-ка, какое дело! Выходим с отцом утречком за околицу, к целине направляемся, значит, деревья вчерашние, что я вырвал, на дрова пособирать. Глядь – мужик идёт из соседней деревни и вот этого жеребчика ведёт. И уж так мне коник понравился, что пристал я к тому мужику с расспросами: что да как. Он и отвечает, дескать, мол, веду продавать на ярмарку в Муром. И тут я понял: надо брать. Отец заартачился было, да я сумел уговорить его. Короче, столковались с мужиком за пять беличьих шкур. Вот выхожу его, и станет он богатырским конём. Представляешь?

Я представлял. Этот жеребёнок годился только на корм волкам, что видимо прошлый хозяин и хотел устроить, да тут ему на пути Илья попался.

– Ты знаешь, Федя, я так рад, что мы побратались, – внезапно добавил Илья. – Я ведь все эти годы, один пока лежал, чего только не передумал. Кирьян, да Левко, мои ровесники, хоть и братья мне по матери, только заглянут раз в полмесяца и всё. Чего им с калеккой делать? Я их не виню. А только так тошно иногда было на свет белый сквозь окошко глядеть. Без ног-то ни друзьями не обзавестись, ни за братьями с сёстрами не угнаться. Отец с матерью вечно в поле, да на иных работах. Ты не знаешь, что это такое после тридцати лет одиночества вдруг ноги обрести. Да в придачу и с тобой побрататься. Да я за тебя любую смерть приму, потому как ты не просто по-доброму ко мне отнёсся. Я ведь понимаю, каково это – князю со смердом поравняться. Ты не переживай, я не уроню твоей чести. А хочешь, так боле, кроме нашей деревни, никому не скажем, что мы побратимы! Хочешь?

И так он все это бесхитростно выложил, что устыдился я своих недавних мыслей и вдруг подумал, что может не так уж и плохо иметь побратима-славянина. А пока же перевёл разговор на другое:

– Не бери в голову. Лучше ответь, что с жеребчиком-то думаешь делать?

– Да слышал я от одного странничка, что ежели коня кормить только белойрой пшеницей, да поить только ключевой водой, да выводить его на заре в луга – по росе повалаться, то станет он богатырским конём. Вот и думаю, авось поможет!

Я, конечно, сильно засомневался, но уж больно не хотелось Илью разочаровывать:

– Посмотрим! Ну что, завтра отправимся за живой водой?

– Ой, я не могу, – испугался побратим. – А кто ж Бурушку выходит? А кто за твоим Самумом присмотрит? Отцу-матери не по силам. Может, других кого с собой возьмёшь? Хоть тех же Кирьяна с Левко. Они и лес хорошо знают. Из меня-то лесовик никакой. Чем я тебе помогу?

Так я и поступил.

На рассвете следующего дня вся деревня провожала нас в поход. Снежка повисла на шее и прошептала:

– Береги себя. И на рожон не лезь.

Прямо жена заботливая, однако...

***

Кирьян да Левко, два очень схожих мужичка (пегими, вечно всклокоченными бородами и привычкой шуриться при разговоре), оказались отличными проводниками. Но этого оказалось мало для удачи. Целый месяц мы потратили на поиски. По десять пар лаптей стоптали (пришлось лапти носить, а то сапоги мои совсем развалились). Увы, заповедная роща словно испарилась.

– Не иначе, как леший нас водит, – уверял меня Кирьян. – Ну, сам посуди, уж мы все твои стоянки отыскали. До единой. Весь твой путь повторили до самой мордвы. А рощи-то нет!

– Точно! – поддерживал Левко. – Видать, лешак-то пожалел тебя один раз. А во второй решил отказать. Тут уж, князь, ничего не поделает. Давай-ка повертаем взад. Опять же, дома работы невпроворот.

Я кое-как выпросил себе ещё несколько дней, но впустую. Пришлось возвращаться в деревню...

– Ничего, Федь, – стал при встрече утешать меня Илья. – Не горюй! И вообще, пока тебя не было, я вот что решил. Раз из-за меня убыток претерпеваешь, то пока не отыщем для тебя чуда чудного, не будет мне покоя. Не допущу, чтобы ты с пустыми руками остался. Так что, вот тебе моё братнее слово! Все силы положу, а будет у тебя если не живая вода, то иная диковина, о какой даже царям заморским и не мечталось! Вот!

Не стал я вслух высказывать сомнения, одолевшие меня при этой клятве. В Индии, или Магрибе – да, есть смысл поискать! А на Руси? Ну, разве здесь могут сыскаться магические предметы, свидетельствующие о могуществе их создателей? Хотя с другой стороны, ведь живая-то вода скрывалась не где-нибудь, а здесь, на севере! Это ли не знак судьбы? А то, что она «утекла» из моих рук, так ведь не впустую – на благое дело. Так что буду верить, что удача не отвернулась от меня.

Осталось только крепко обняться и скрепить наш союз рукопожатием. Илья, явно обрадованный тем, что я принял его помощь, лукаво подмигнул и воскликнул:

– А давай-ка я тебе теперь покажу Бурушку.

Он сорвался с места и скрылся в овине, ставшем конюшней. Оттуда донеслось игривое ржание, и вскоре он уже выводил на двор гнедого двухлетка.

– Вот! – горделиво подбоченился Илья. – Мой Бурушка!

У меня чуть глаза на лоб не вылезли:

– Это что, тот самый жеребёнок-доходяга?

– Ага, – заулыбался новоиспечённый коновал. – Представляешь, ты в лес ушёл, а ему на третий день все хуже и хуже. Уже и с земли не встаёт и не ест. Ну всё, помирает мой Бурушка. Я и руки опустил было. Сижу дома, горюю, вдруг вижу – бурдюк твой брошенный из-под живой воды. Я его поднял, а там булькнуло чегой-то! Короче, я с него плошку-то живой воды и сцедил! Со стенок! Бурушке своему сразу отнёс. И всё! Встал на ножки мой коник и пошёл расти прямо не по дням, а не знаю, как. А я ему ещё и сам бурдюк скормил, на полоски нарезал и скормил. Вдруг, думаю, он тоже впитал в себя живой воды. А Бурушке моему – всё польза. Так что думаю, месяц-другой и у меня не конь будет – а загляденье.

Я совершил несколько успокаивающих дыхательных упражнений, посмотрел на чистое синее небо, что раскинулось над нами, и подумал, что прав был один древний иудейский мудрец, сказавший, что всё вокруг нас "суета суета и всяческая суета". А, подумав так, расслабился и сказал побратиму:

– Это точно! Ну а теперь готовься, будем делать из тебя богатыря!

И потянулись размеренные дни. С утра до вечера мы с Ильёй пропадали в поле, сопровождаемые детишками, с любопытством глазевшими на наши упражнения. Для начала я решил обучить побратима правильному бою. Пару дней ушло на изготовление деревянных мечей и щитов. На утро третьего я показал Илье как правильно держать меч, начальные выпады и приёмы парирования. А потом сказал:

– Давай попробуем. Бей.

Я выставил свой меч острием вверх, приветствуя Илью. И тут он ударил!!! Мой меч словно снесло ветром! А рука онемела до локтя!

Ещё несколько раз я честно пытался обучить побратима, так же как учили меня. Но тщетно. Каждый поединок заканчивался после первого же удара Ильи. Дошло до того, что я стал бояться крепко сжимать рукоять меча, а это уже никуда не годилось.

Тогда я просто стал показывать основные движения и их связки, а он повторял в поединке с невидимкой. Я смотрел со стороны, как он работает, и внутренне ужасался. Илья мог без усталости прыгать хоть целый день с тяжеленным древесным стволом, заменившим ему меч. Рассекаемый стволом воздух издавал гудение, слышимое, наверное, даже в деревне. Изящества в этом не было никакого, зато внушало священный трепет.

О таком богатыре наверняка мечтают все правители мира. Илья ещё не понимает, что стоит целой армии. Но уже сейчас ясно, что ему предстоят великие битвы, и великая слава. Главное, чтобы рядом был человек, способный подсказать дельную мысль в затруднительном положении. А то слишком уж он добродушен и наивен. И я окончательно решил, что этим человеком для Ильи буду я. В Эсфахан возвращение с пустыми руками заказано. А заняться поисками неизвестно чего, да ещё и неизвестно где, с таким товарищем не в пример сподручней.

...С луком вышло ещё хуже, чем с мечом. Ни одна тетива, которую я сплёл, не могла выдержать рук моего побратима. Они рвались, словно прогнившие нитки. Но и тут нашёлся неплохой выход.

Я стал учить его кидать дротики. Правда самодельные наши дротики не имели железных наконечников и размерами больше походили на копья. Зато Илья метал их на расстояние, превышавшее в несколько раз полет стрелы. Осталось добиться прицельной меткости. Однако, чего бог не дал, того не дал. Но, в конце концов, я решил, что один вид прилетевшего из такой дали дротика должен впечатлить кого угодно.

Днём я занимался с Ильёй, а вот по вечерам была скука смертная. Не умели славяне хорошо повеселиться после трудового дня, не было у них такой привычки. А мне чего-то эдакого хотелось. И тут я придумал. Нарды! Вот чем могу занять себя.

Этим же вечером я собрал деревенских мужиков на разговор. Сначала они никак не могли взять в толк, чего от них надобно. Но природная смекалка взяла верх. И к следующему вечеру всё необходимое было изготовлено, причём с первого раза. Доски оказались расписаны приятными глазу орнаментами. А камни мужики нарезали из берёзовых да дубовых плашек. Кости же выточили из конских бабок, причём, сколько я не рассматривал готовые изделия, а не смог найти изъяна. Тогда я объяснил правила, и игра пошла! Мужики быстренько разохотились, и с тех пор недостатка в компаньонах я не испытывал.

К моему удивлению, самым азартным оказался Несмеян. Когда же он выиграл у меня (должен сказать, что это было один-единственный раз, и то потому, что кости мне не шли всю игру), то закатил очередной пир.

Так, в трудах и заботах, незаметно пролетел ещё месяц. И в деревне, закончившей летнюю страду, заговорили о празднике уборки урожая. Услышав об этом, я вспомнил, что в моих родных краях тоже сейчас готовятся отпраздновать Михрган, и слегка взгрустнул.

Всё реже мне вспоминался Иран. Всё больше и больше я привязывался к этим местам и людям их населявшим. Славяне мало чем отличались от нас, хоть и являлись по сути своей варварами. Они тоже умели радоваться и смеяться, враждовать и любить. И пусть они были язычниками, но также, как и для нас, для них было святотатством осквернить землю, воду, или огонь. Они тоже хотели добра своим детям. И тоже не любили кочевников.

Эх! Видел бы меня сейчас Али ибн Масуд! В льняной рубахе навывпуск с узором по вороту и по долу, подпоясанный пеньковой верёвкой, в узких портах. Я даже научился наматывать онучи так, чтобы не натирать ноги в лаптях.

...Меж тем Бурушка окончательно вырос и превратился в огромного, воистину богатырского коня. Рядом с ним Самум выглядел недоростком. Одна отрада – всё ж таки, мой скакун резвее. Зато Бурушка мог вынести Илью, а это само по себе дорогого стоило.

Накануне осеннего празднования Илья объездил Бурушку и теперь они заново, уже как седок и скакун привыкали друг к другу, совершая длительные выезды. А я в это время чинил и приводил в порядок свои вещи, готовя их к походу.

...Урожай в этом году случился (по словам деревенских) изобильным, и потому праздник удался на славу, растянувшись на три дня. А на четвёртый, когда деревня кое-как проснулась (даже петухи кукарекали осипшими голосами), приторочили мы с Ильёй к конским сёдлам снаряжение и пошли к его родителям.

Те, в окружении деревенских, уже поджидали нас на майдане.

Поклонился в пояс Илья родителям и прогудел:

– Уж простите, что покидаю вас, батюшка с матушкой. Только судьба мне за побратимом следовать, до исполнения его обета. А уж дальше как жизнь сложится, одному Богу и ведомо. Может, пристроюсь в стольный Киев-град к князю Владимиру. Стану служить земле родной верою-правдою, беречь её от недругов-ворогов.

Все затихли, а Иван Тимофеич, прокашлялся и ответил:

– Отпускаю тебя, сын мой, вослед Фёдору, князю персидскому. Будь ему во всём опорой и поддержкой. Верю, что вместе вы сумеете отыскать редкость редкостную, невиданную и неслыханную. Но только помни, что благословляю тебя лишь на добрые дела, а на худые дела моего благословления нет. Не лей крови людской почём зря, не слези матерей, да не забывай какого ты роду-племени.

Расцеловался Илья со всей деревней и вскочил на Бурушку. Лично я поцеловался только со Снежкой, подарившей мне на прощание оберег в виде маленького топорика:

– Не забывай про меня. Даст Перун, так и свидимся.

Я закрепил оберег на поясе и ответил по славянскому обычаю:

– Не поминай лихом!

Глава 3. Муром

Для начала мы направились в Муром, потому как надо было обзавестись кое-какими вещами на первое время. Благо, для такого дела, по деревне шкур припасённых набрали: и куньих, и беличьих.

Меня, конечно, такие деньги, несколько удивляли. Ну что за удовольствие таскать с собой лоскуты вонючих старых шкур, потёртые и со следами мышиных зубов? Варварство дремучее. Весь цивилизованный мир тысячи лет пользуется металлы. Но не я это придумал, не мне и отменять.

Кроме "родовой" деревни я на Руси ничего ещё не видел. И теперь ехал с удовольствием, предвкушая новые впечатления.

Ближе к вечеру лесная дорога вывела нас на излучину реки, кою местные жители нарекли Окою. Как позже я выяснил, по ней можно было сплавиться вплоть до реки Итиль, на берегах которой раскинулся Булгар, где я провёл полмесяца, перед тем как углубиться в бескрайние северные леса.

Речные воды величаво огибали крутояр, на котором мы остановились. Предзакатное солнце золотило верхушки деревьев на противоположном берегу.

– Красота-то какая! – вздохнул Илья. – И всего этого я был лишён! Эх! Как я мечтал, что когда-нибудь сяду на коня и объеду весь мир! И вот моя мечта исполняется. Здорово! Силушка моя богатырская! Куда бы её приложить-то?

И с этими словами Илья вдруг соскочил с Бурушки и направился к чудовищному камню, глубоко вросшему в землю на краю обрыва. Бока его были сплошь выщерблены от времени дождём и морозами. Высотой эта глыба превышала моего побратима раза в два.

– А как думаешь, Федь, сворочу я этот камень? – повернулся Илья ко мне.

– Нет, – однозначно ответил я.

– А я всё ж попробую, – хмыкнул Илья и, поплевав на ладони, решил снизу подцепить глыбу.

Я даже смотреть на эту дурость не стал, и отошёл подальше, чтобы беспрепятственно полюбоваться закатом. От камня доносилось пыхтение, криканье и сопение. А потом раздался ужасающий надсадный вскрик:

– АААААААА! ЙЭЭЭХХ!

И вдруг земля еле заметно, мягко, вздрогнула, как будто предупреждая о начинающемся землетрясении. Мне это хорошо знакомо, два раза пережить пришлось. Самум дёрнулся, прядая ушами, и припал в испуге на задние ноги. Бурушка тоже заржал, явно чувствуя опасность.

Я обернулся и не поверил своим глазам! Илья сумел-таки своротить чудовищный валун, и теперь он медленно выламывался из гнезда. А затем покатился вниз к реке, сотрясая все вокруг. Камень последний раз ударился о косогор, оставив ужасную вмятину, и грузно плюхнулся в русло, подняв гигантский фонтан брызг.

Косогор же, доселе казавшийся очень даже прочным, немного помешкал и, дрогнув, стал сползать в реку, вместе с тем участком, где мы только что находились.

– Ахриман тебя раздери, Илья! Предупреждать же надо, – ругался я уже после того, как чудом спасся.

Хорошо, что Бурушка и Самум, почуяв неладное, успели отскочить в безопасное место. Зато сам виновник катастрофы хохотал во все горло:

– Ты понял? Федь! Да если б мне знать, за что ухватиться, да я землю с места своротил бы!

У меня настроения веселиться не было, поэтому я ответил коротко, подхваченным от Несмеяна выражением:

– Если бы, да кабы, во рту б выросли грибы! Поехали лучше, чем стоять без толку.

Я бросил взгляд вниз на забурлившую Оку, пытавшуюся расчистить русло. А потом подумал, что за этим буйным малым нужен глаз да глаз. А чуть погода понял, что не уследить, а и уследить, так не предупредить. Сплюнул с досады по славянскому обычаю и пустил Самума в галоп.

Больше Илья в пути не озоровал. И в целом мы, в два дня, доехали до Мурома спокойно. Наверное, это вышло потому, что у нас завязалась беседа. Побратим какое-то время ёрзал в седле, а потом поинтересовался:

– Слышь, Федь! А помнишь, ты чегой-то о Рустаме рассказывал?

– Помню.

– А я вот ничего не помню. Расскажи ещё раз, а? Он вправду был такой могучий?

– Да. Мощнотелый сын родился у седоглавого Заля и Рудабы. И всю свою жизнь он провёл в боях, охраняя Иран и иранских правителей. Никто не смог победить Рустама за всю его жизнь. А жил он, говорят, почти шестьсот лет.

– Здорово, – восхитился Илья. – А может он тоже, как и я, живой воды напился? А какой он был? А он смог бы тот камень своротить, как я?

Я критически оглядел Илью и ответил:

– Про воду не знаю. Ростом был с тебя, наверное, ну может чуток повыше. А камень бы тот он, шутя, подхватил и в небо бросил. Вот какой он был сильный! Когда шаха Кавуса и все его войско захватил Белый Дэв, юный Рустам отправился на выручку и в одиночку сразил чудовище. С кем он только не сражался и всех побеждал. Он убил Акван-дэва. А тот был ростом с самое высокое дерево. Голова его была больше слоновьей, огромные клыки торчали из его пасти, каждый в три локтя длиной и острый словно меч. Его смрадное дыхание несло гибель всему живому. И только Рустам смог срубить ему голову.

Услышанное повергло Илью в глубокую задумчивость. Но на привале расспросы возобновились:

– Интересно, Федь, а эти твои дэвы, они хоть где-нибудь ещё остались?

– Конечно, – уверил я побратима.

– А где? У нас они водятся?

– Ну, про Русь я не знаю. У нас они прежде обитали в Мазандеране. Ну и, конечно, их всё ещё очень много в Индии.

Илья подумал-подумал, пожевал-пожевал зайчатины, а потом пристал ко мне:

– А давай Федь рванём в Индию? А? Там ведь и волшебства больше? И тебе диковину отыщем наверняка, и я с дэвами силою померяюсь. Интересно же.

– Нет, Ильяс-джан, – терпеливо объяснил я побратиму. – Сначала мы в ваших краях поищем, порыщем. Как у вас говорится, в тихом омуте черти водятся? Да и ты на короткой тропе пообвыкни, а уж потом на дальнюю дорогу замахивайся.

– Да, – загрустил Илья. – Это я погорячился. А как это ты меня назвал?

– Джан, это такое обращение, очень многозначное. Если одним словом, то лучше всего перевести, как друг.

– А-а-а! – кивнул головой Илья. – Понял. Ну что делать? Поехали дальше.

***

Лишь только мы вывернули на прямоезжую дорогу к Мурому, как нам стали попадаться дорожные люди. Первые же встречные чуть дырки в нас с Ильёй не проделали своими взглядами. Я-то уже привык к размерам побратима и его Бурушки. А вот на сторонних он, видимо, производил неизгладимое впечатление. Да и моих соплеменников в этих краях, наверное, нечасто видели.

Один возница на пару со своей лошадыю так загляделись на нас, что опрокинулись вместе с порожней телегой в придорожный овраг. Завидя это, Илья развернул Бурушку и, подъехав ближе, спросил мужика:

– Помощь нужна?

Но мужик лишь хватал ртом воздух и часто-часто моргал. Тогда Илья спрыгнул на землю и, ухватив телегу за край, легко выдернул её на проезжую часть. Вернее, часть телеги. Потому что от могучего рывка она рассыпалась.

– Ну вот, – прогудел, отряхивая ладони, Илья. – Следить надо за дорогой, а не мух ртом ловить.

И мы поехали дальше. Но уже не одни. К стенам Мурома мы добрались, сопровождаемые целой свитой любопытных. Потому как иные зеваки бросали все дела и следовали за нами. Правда, на почтительном расстоянии.

Муром оказался совсем маленьким городком, как я прикинул – не более тысячи жителей. И сплошь деревянным – ни одной каменной постройки. Но что более всего удивительно – даже стены городские оказались бревенчатыми. Я ещё подумал, неужели у них поблизости ни одной каменоломни не нашлось? Да и устройство стен показалось каким-то несерьёзным. Вкопаны заострённые бревна в землю – вот и вся оборона. Насмешка какая-то. Такой город можно взять играючи, и даже армии не надо.

Через распахнутые настежь ворота мы проехали беспрепятственно, что тоже говорило о безалаберном подходе к обороне города. Я специально посмотрел по сторонам, но ни одного привратника не увидел. Жаль, я надеялся узнать у них, где находится караван-сарай.

На крохотном пяточке, который и майданом назвать затруднительно, шла своя жизнь, и мы повернули коней к торговому ряду, состоящему из пяти навесов. Крайним сидел торговец преклонных лет. Перед ним стоял маленький столик с раскрытыми до половины холщовыми мешочками. Торговец посмотрел на Илью, выпучил в изумлении глаза и забормотал скороговоркой:

– Орешки калёные, кедровые, заморские, на любой вкус. Семечки жареные, солёные. В дорогу, да и так – дома погрызть.

– О! – тут же взмолился Илья. – Давай купим! А, Федь? Калёных, и побольше.

Тут надо сказать, что хранителем нашей кассы ещё перед поездкой я назначил самого себя. И теперь, спешившись, стал придирчиво осматривать товар, а потом спросил:

– И почём сегодня смета на калёные орешки?

– Мешочек – резан, два мешочка – рубель.

– Это что за деньги такие? – невольно заинтересовался я.

Дед полез за пазуху и вытащил кошель. Вскоре на его ладони я опознал четвертинку дирхема.

– Вот резан! – гордо заявил он. – А если лишь в половинку – то рубель! Удобно.

Оставалось только за голову схватиться. Варварская страна – никакой культуры. Кто бы мог представить, что местные жители для своих нужд примутся рубить серебряные монеты? Интересно, а они уже додумались до того, что монеты можно подделывать?

– А мехами возьмёшь? – решил я на всякий случай уточнить.

– Нет, – недовольно замотал головой торговец. – Не люблю я связываться со шкурами. Ещё моль побьёт.

Решив немного пошутить, я вытащил из пояса динар и дал деду:

– А такой кругляш в оплату пойдёт?

Но тот уверенно завертел в руках золотую монету, поплевал на неё, потёр меж пальцев и солидно кивнул головой:

– Пойдёт, мил человек! Только сдачи у меня не будет.

– А ты нам так дай, чтобы без сдачи.

Дед проворно поднялся и споро позатыгивал верёвки на мешочных горловинах:

– Вот, всё и забирайте.

Я не успел ничего ответить, как Илья тут же оттеснил меня от столика и покидал мешочки себе за пазуху:

– Теперь хоть будет что погрызть.

Ну что с таким поделать?

Видя, что дед стал собирать свои вещи, я понял, что его торговый день явно кончился, и потому решил уточнить:

– Уважаемый, а не подскажешь, где тут у вас караван-сарай? Или постоянный двор?

– А чего вам по чужим углам мыкаться? Можете у меня на постой определиться.

– Да мы ненадолго в Муром завернули, – попробовал я отказаться.

– А вот никогда наперёд не загадывай, – сказал торговец, и добавил: – Ну что, идёте? Да не бойтесь, столкнёмся.

Мы переглянулись с побратимом, да и двинулись вслед за дедом. За нами увязалась было толпа любопытных. Но наш провожатый стукнул на них клюкой и те поотстали.

Под ногами противно скрипело от вездесущей шелухи. А тут ещё Илья достал пригоршню орешков и принялся жизнерадостно грызть их, поплёвывая по сторонам. Ох, ну не люблю я этого. В деревне-то никак привыкнуть не мог, что все подряд грызут орехи и семечки, так и в городе оказалось не лучше.

Хорошо, хоть идти оказалось недолго. Во дворе, куда нас завёл дед, было почище. Хозяин определил в пустовавший хлев наших скакунов и пригласил в дом, утверждённый на больших валунах, так что даже крыльцо в три ступени получилось не лишним. Собственно, дом состоял из просторной избы и двух клетей, примыкавших к ней. А уж внутренность оказалась обустроенной не в пример деревенскому убранству. Стены и потолок мастера обшили досками, с разрисованными по ним зверями и птицами. И печь имелась каменная с глинобитным сводом, причём дымоход шёл через потолок. И три окошка в стенах прорублены. Света дневного сквозь них проходило маловато, но всё лучше, чем крошечная тьма. По крайней мере, я сумел даже рассмотреть на потолке некоего зверя с телом змеи, чрезмерным множеством ног, парой крохотных крыльев и огромной квадратной головой.

– Это сын мой балуется кистью. Сейчас он в отъезде, в Рязани у одного боярина хоромы расписывает, – пояснил дед, проследив мой взгляд. – Ну а теперь, давайте знакомиться. Меня зовут Неклюд. А вы кто такие будете?

Мы с Ильёй уселись на свободную лавку, жалобно заскрипевшую под побратимом, и обстоятельно ответили, кто мы такие и куда едем.

– Эвона как! Значит, диво дивное, колдовское, решили сыскать? Смелая задумка, – одобрил наши намерения Неклюд. – А где искать, куда ехать-то знаете?

– Да нет, конечно, – ответили мы. – Может, ты, дедушка, чего подскажешь?

– Отчего не подсказать? Подскажу. Для начала вам с волхвами надобно повидаться. У них совета спросить. Так что, в Киев вам надо. Если где вам и помогут, то только там.

– Точно! – обрадовался побратим. – Федя, прав Неклюд! Ну как? Едем?

Разумное зерно в подобном предложении имелось, и потому я покладисто кивнул головой.

Но тут старик придал новое направление нашей беседе:

– А ежели тогда я вас попрошу поначалу заехать в Смоленск?

– Это хороший крюк делать придётся, – проявил Илья познания в местной географии.

– Так за то я предоставлю вам жильё да прокорм бесплатно, пока вы тут свои дела устроите. А как тронетесь в путь-дорогу, я с вами и передам посылочку одному старому знакомому. А то уж полгода жду оказии. А её всё нет и нет. Самому ехать – стар уже. А знакомых просить – дюже не хочется. Вы же вроде хоть по глазам и честные, а очень даже бойкие, в обиду себя не дадите. Так что, как ни крути, а посылочка моя при вас сохранней будет, чем с кем-либо.

По мне так было всё едино, какой дорогой ехать, и мы, переглянувшись, согласились с предложением Неклюда.

– Вот и ладушки, – облегчённо вздохнул дед, а потом уважительно покосился на мои ножны и спросил: – Небось, клинок булатный?

– Да, – подтвердил я. – В Эсфахане самим Ахмедом ас-Самитом выкован. Показать?

Неклюд охотно закивал головой, и я вытащил меч. По тёмному холодному телу клинка шёл замысловатый повторяющийся узор из светлых непрерывных завитушек. Меч отразил луч солнца, падающий из распахнутого окошка, и яркие блики сразу заплясали по стенам избы.

Я осторожно согнул меч в четверть дуги и плавно разогнул. Клинок остался таким же ровным. А пёрышко, опустившись на острие клинка, распалось на две половинки.

– Поди, такой меч дорого стоит? – продолжал допытываться Неклюд.

– Очень дорого, – подтвердил я, вспомнив, сколько золота пришлось отдать кузнецу.

– И владеешь им, поди, неплохо?

– Никто ещё не жаловался, – несколько двусмысленно ответил я, вкладывая меч в ножны.

– Ну и хорошо, – подытожил Неклюд. – Устраивайтесь пока. Я вам мешать не буду.

...Против моих первоначальных планов, в Муроме пришлось задержаться. Мы не смогли отыскать для Ильи ничего подходящего по размерам: ни шлем, ни кольчугу, ни щит, ни меч. Пришлось всё заказывать у местного кузнеца. Да ещё седло приличное для Бурушки, да сбрую.

После размещения всех заказов у нас не осталось ни одной шкуры. Зато, к моему облегчению, в Муроме очень даже охотно брали бухарские дирхемы и динары, проявляя неплохую осведомлённость об их реальной стоимости. Но, вообще-то, к моей выгоде, здесь всё оказалось намного дешевле, чем в Эсфахане, или в Бухаре. Так что я воспользовался возможностью и обновил всю одежду и теперь снова выглядел так, как завещано предками. Только для кулаха не смог найти подходящего тонкого войлока. Не остался без обновок и Илья. Ему мы заказали пошить сапоги, сразу две пары, поскольку готовых такого размера, я мыслю, во всём Подлунном мире вряд ли бы сыскалось.

– Пора отвыкать от лаптей, – подкрепил я такой заказ рассуждением, – ибо, пока покойно едем, пусть будут лапти. Так и быть. Но в бой, да на коне, – только в сапогах с каблуками. А к ним привыкнуть надо. Так что, последние дни ходишь как смерд.

Пришлось Илье согласиться.

Но тут на второй вечер пребывания побратим взмолился:

– Феть, а Феть! Пойдём в корчму! Там, говорят, так здорово! Разные интересные люди собираются.

Я поддался его уговорам, и как выяснилось – зря. Корчмой оказалась огромные (по меркам Муромы) хоромы, в которых можно было за деньги поест и выпить.

Я вообще плохо отношусь к подобным заведениям, предпочитая отдыхать либо в домашней обстановке, либо в кругу друзей, но никак не в компании с незнакомцами.

Предчувствия меня не обманули. Уже в скором времени за наш стол подсели четверо мужичков разбойного вида и принялись усердно подкатываться. Вопросы их мне очень не понравились, и я старался отвечать уклончиво. Зато Илья разливался соловьём, выкладывая всё как на духу. Как я ни пинал его под столом, Илья лишь обижался:

– Ну, ты что, Феть! Я ведь правду говорю. Так вот, слушайте дальше, взял я и столкнул тот камень в реку.

На эти слова засмеялись все, кто пришёл в корчму. А я с неудовольствием увидел, что в зале уже буквально апельсину некуда упасть. И все прислушиваются к речам моего побратима.

Больше всех смеялся кривой из той четвёрки, что устроилась за нашим столом:

– Ну ты и враль! Чёртов камень столкнул в Оку сумел!

И все опять принимались гоготать.

Илья начал обижаться, но заметил это только я. Тут-то кривой и напросился, обратившись к побратиму:

– И кто только родил тебя, дубину стоеросовую! Соври ещё что-нибудь!

Больше он ничего сказать не успел, потому что Илья приласкал его своим кулаком прямо в лоб. Кривой упал замертво.

– Братцы! – раздался чей-то возглас. – А ведь наших бьют!

И все бросились к нам. Но драки не получилось. Илья просто размазал всех по стенкам. Я не успел вернуться от сметённого побратимом стола и оказался на полу.

Пока я приходил в себя, ураган уже стих. Илья заметил мои ноги, торчавшие из-под стола, и бросился на помощь. Он откинул стол и помог встать, приговаривая:

– Ой, Федь! Ты живой! А то я испугался было, вдруг зашиб тебя ненароком!

– Живой, живой! Ну, ты и скор на расправу!

– А нечего языком, как помелом мести!

Оставаться в таком заведении, где нормальным людям не дают спокойно отдохнуть, нам не хотелось. Поскольку хозяин тоже попал под горячую руку Ильи и не мог нас обслужить, мы сами прошли в поварню и набрали еды, а заодно и питья. Уложили все это в корзины и отправились восвояси.

Вот дома у Неклюда мы отдохнули на славу! Тут нам никто не мешал.

...На следующее утро, когда мы с Ильёй раздумывали, чем бы заняться, с улицы стал доноситься какой-то шум. В избу вбежал взволнованный Неклюд:

– Беда, сынки, там вас на расправу десятник Снегирь требует.

Мы с побратимом опоясались и пошли на выход. Я захватил на всякий случай меч, а Илья ничего брать не стал. За воротами нас поджидала целая толпа сурово настроенных горожан. Впереди всех стоял насуспенный усач при кольчуге, и вертел в руках шлем. А за ним выстроился в ряд десяток стражников.

Усач, завидя нас, ещё больше набычился и спросил:

– Вы ли вчера устроили погром в корчме?

– Ну, я, – усмехнулся Илья.

– Тогда за то, что безвинно покалечили две дюжины людей, да разорили достойного горожанина, я вас засажу в поруб. А там пусть князь решает, как с вами поступить. Виру взять, или иначе как.

– Меня? В поруб? – не поверил Илья. – Да за что?

Я увидел, что побратим опять начал волноваться, и попытался исправить ситуацию.

– погоди, Ильяс-джан, – я направился к десятнику и предложил: – Давай отойдём в сторонку и обсудим все спокойно.

– А ты, чужеземец, помалкивай тут, – сказал, как отрезал Снегирь, и приказал своим: – Вяжите их!

Теперь обиделся и я. Но, выхватывая меч из ножен, успел крикнуть Илье:

– Только без смертоубийства!

– А то, – кровожадно ухмыльнулся Илья и засучил рукава.

Как таковой, драки опять не вышло. Было избиение. Убежать смогли человека три от силы. Остальные были разбросаны в весьма живописных позах вдоль всей улицы. Лично я успел разоружить только Снегиря и ещё одного стражника. Всех остальных обработал побратим.

Когда всё стихло, из калитки выглянул Неклюд, обозрел последствия и восхищённо присвистнул:

– Ну, сынки вы и даёте! Силушку вам девать некуда! Это ж не вороги, а свои!

На что Илья заметил:

– А мне отец, когда был помоложе, всегда говорил, возвращаясь после хорошей драки: бей своих, чтоб чужие боялись!

По моему мнению, это был весьма своеобразный, я бы даже сказал, философский подход к жизни. Но интересный (конечно, если ты победитель).

Илья начал было прохаживаться по улице, выпятив грудь, но стушевался, когда с боковых улочек стали сбегаться женщины за своими поверженными мужьями.

– Назад, сынки! – скомандовал Неклюд. – Бабам вы скулы не посворачиваете. Они сами вас на куски порвут.

Мы вняли голосу разума и ретировались на подворье.

На следующий день мы с Ильёй двинулись в сторону реки, к кузням. Я зорко осматривался по сторонам, ища подвоха, а заодно исподтишка наблюдал за побратимом. По всему было похоже, что ему понравилось ломать челюсти соплеменникам. При виде любой компании у него появлялся нездоровый блеск в глазах.

– Федь, – толкал он меня в бок. – Не слышишь ненароком? Эти не про нас оскорбительные речи ведут?

– Нет, нет, – успокаивал я его. – Не про нас.

– Жаль, очень жаль, – постукивал он кулачищем в раскрытую ладонь, и угрожающе поводя могучими плечами, проходил мимо.

Мне было очень странно, что городские хранители порядка отстали от нас, не пытаясь в другой раз взять в оборот, но поскольку я и правил-то здешних не ведал, то особо размышлять над этим не стал.

Зато кузнец порадовал. По его знаку подмастерья стали выносить готовые изделия на свет для лучшего обозрения.

Шлем оказался таким, как я и просил: с наносником, бармицей для защиты шеи и небольшой втулкой сверху, ежели захочется как-нибудь отличить. А самое главное – он пришёлся Илье впору. А то, что не позолочен, так Илье ещё рано.

Кольчуга тоже была сделана на совесть.

– Я просто нарастил одну из готовых, – пояснил кузнец. – Чтобы вам ждать было меньше.

Да и щит не вызвал возражений. Мастер тщательно сплотил доски и обтянул их, как я и просил, кожей в два слоя. А то, что в размере он был значительно больше принятых, так ведь щит для богатыря сделан!

– Меч, кажется, больно тяжёлый получился! – вздохнул кузнец. – Мне его даже опробовать толком не удалось.

– Ничего! – успокоил его Илья. – Сейчас проверим. Где он?

Кузнец сам сходил в кузню и вытащил завернутый в холстину меч.

– Только учтите, что хороший меч за столько дней не куётся.

– Да нам бы лишь до Киева добраться, – отмахнулся Илья, ухватившись за торчащую рукоять.

Меч был раза в полтора длиннее, чем мой. И не в пример тяжелее. А в целом качествоковки оказалось неплохим. Я тщательно осмотрел весь меч и не нашёл изъянов. Он стоил тех денег, что мы заплатили.

Илья повесил ножны за спину и попробовал выхватить клинок. Длины хватило как раз. Затем сделал несколько восьмёрок в воздухе, со свистом рассекая воздух. Наконец рубанул пару раз по нарочно выставленному чурбаку и остался доволен глубиной зарубок. Хотел было попробовать на изгиб, да кузнец отсоветовал.

Ещё мы прихватили с собой два топорика. И пусть говорят, что топор – оружие простолюдинов. А я так очень уважаю топоры. И вообще оружие никогда не бывает лишним.

На обратном пути нас всё-таки поджидало сборище недобитков, желавших отомстить за прошлые неудачи. Но когда Илья вытащил свой новенький меч и несколько раз угрожающе

взмахнул им, все сделали вид, что собрались здесь совершенно случайно и друг с другом не знакомы. Мы беспрепятственно прошли к воротам Неклюда и скрылись во дворе.

– Давай-ка, Илья, собираться, – предложил я. – Не понравился мне Муром. Как-то него-степриимно нас встретили.

– А может, останемся ещё на одну хорошую драку? – попробовал уговорить меня побратим.

Но я был непреклонен:

– Сегодня же уезжаем! Укладывай вещи, а я пойду, подготовлю коней.

Неклюд помог нам упаковаться, даже дал две торбы с овсом в дорогу и большой баул с лепёшками и вяленным мясом. Мы ещё накануне приобрели выючную лошадь по кличке Звёздочка как раз специально для подобного случая. А то больно много поклажи накопилось.

На прощание Неклюд ещё раз обсказал дорогу, сколько знал, и вручил небольшой железный ящичек для некоего Вакулы Дольника из купцов смоленских. А перед самым выездом, по моему настоянию, пришлось Илье натянуть сапоги – и для разноса, и для солидности.

Больше нас ничего в Муроме не удерживало, и мы тронулись в путь. Торжественных проводов нам не устраивали, да мы и не напрашивались. Скромно так, без лишней шумихи выехали из города и вскоре углубились в лесную чащу.

Глава 4. Алатырь-камень

Осень в этом году (по словам местных жителей) выдалась на удивление тёплая. Чудесные солнечные дни сменяли друг друга, не выказывая и намёка на приближающиеся дожди. Одним словом, погода как раз для сафара.

В лесах стоял дурманящий голову аромат, смешанный из последнего тепла, павших листьев, сочных трав и древесной смолы. В воздухе то и дело мерцали пролетающие паутинки с отважными восьминогими путешественниками.

Мы ехали то бескрайними лесами, то нескончаемыми равнинами, переваливая через холмы, проезжая через глухие урочища, переправляясь через многочисленные реки, и я не уставал поражаться колоссальным размерам земли Русской.

И ещё удивлялся тому, что вся Русь строилась из дерева. Даже боярские замки и те были бревенчатыми! Впрочем, что ещё славянам оставалось делать, если под боком такие леса? И все же я никак не мог отделаться от мысли, что эти постройки – ох как ненадёжны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.